

Роза Александрия

18+

Аид и Церсефона.
ПЛЕНЕННЫЕ

Роза Александрия

Аид и Персефона. Пленные

«Автор»

2023

Александрия Р.

Аид и Персефона. Пленные / Р. Александрия — «Автор»,
2023

Родной отец отдал меня за долги незнакомцу. Взгляд его соткан из тьмы, а личность окутана тайной. Он — сама смерть. Его обходят стороной и боятся произносить его имя. Он всегда берет желаемое, не спрашивая. И теперь он захотел меня. Я боюсь его до дрожи в коленках, но чтобы спасти жизни дорогих мне людей, я буду вынуждена оставить свой дом. Я должна бежать как можно скорее, ведь иначе он выпьет мою жизнь капля за каплей. Но почему, чем дольше я остаюсь в его царстве, там больше мне хочется, чтобы он посмотрел на меня как на равную? Ведь мне необходимо найти способ спастись, а не возможность остаться. Ретеллинг древнегреческого мифа про Аида и Персефону. Вы увидите подземный мир во всей красе, побываете в современном Дублине и проживете невероятную историю любви и слияния света и тьмы, жизни и смерти, бога царства мертвых и простой человеческой девушки. Сборник из 2 частей: "Плененная тьмой" и "Плененный светом".

© Александрия Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Первая часть	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Роза Александрия

Аид и Персефона. Плененные

Первая часть «Плененная тьмой» Пролог

– Пожалуйста, отпустите меня! Куда вы меня тащите? – кричу я, не веря в происходящее, как и в то, что я действительно под землей! Мамочки! Мне точно снится страшный сон. Сейчас ущипну себя и проснусь. Но боль от крепкого захвата поперек ребер не позволяет усомниться в реальности ситуации.

– Не кричи! – отвечает мужчина с квадратной челюстью. Таких экземпляров можно увидеть разве что в кино про мафию. Хоть он и одет в элегантный костюм, но от него за версту несет кровью и грязью уличных воров. – Хозяин просил быть с тобой поосторожнее, и мне бы не хотелось его расстраивать! Поэтому просто заткнись, пока я не припомнил тебе тот удар подносом!

Я больно закусываю губу, стараясь не расплакаться. Мне всего лишь хотелось спасти Молли, а теперь эти уроды сделают со мной неизвестно что! Как же мама без меня? Ведь вряд ли я смогу выбраться отсюда живой. От этих мыслей слезы брызгают из глаз, опалая холодную кожу щек.

Мужчины приволакивают меня в просторный зал с гладким утоптанном полом и каменными стенами. Бросив меня на холодную землю, они молча удаляются. Я нахожу в себе силы подняться и осмотреться, но так и не понимаю, куда делись мои похитители. Вокруг нет ничего похожего на дверь или хотя бы окно. Я оказываюсь в огромном склепе, освещенном несколькими факелами. Мебели в этом странном помещении тоже нет, только одинокий стул из кованого железа возвышается в центре зала.

Я стучу зубами, продрогнув от холода. Страх не позволяет думать ясно, грозя перейти в панику и затопить мой разум темнотой. Как такое возможно? Нет, я понимаю, что это не простые люди, но чтобы земля разверзлась прямо под моими ногами, да посреди города?

Сажусь и натягиваю на колени грязную толстовку. Капюшон давно упал на плечи, и спутанные волосы обрамляют мое лицо, создавая вид безумной ведьмы. Я не знаю, сколько времени сижу так. Все это напоминает мне пытку. Чем больше я остаюсь в неизвестности, тем больше страха испытываю, в то время как наблюдающий за мной из темноты несомненно им упивается, словно целебным эликсиром.

Не в силах больше выдерживать это состояние, я вскакиваю и кричу:

– Кто ты? Покажись! Хватить меня мучить, черт тебя возьми!

Впервые за всю жизнь я позволяю себе так грубо выразиться. Но это место странно на меня действует, каким-то образом открывая все потаенное в душе.

Меня окружает полнейшая тишина: ни ответа, ни какого-либо движения я не слышу. Но вдруг я чувствую на шее чье-то дыхание, пробирающее душу липким страхом.

– Ну здравствуйте, мисс Рейли... – шепчет незнакомец, и я резко оборачиваюсь. Передо мной стоит тот же мужчина из бара, взгляд которого еще долго преследовал меня в снах.

– Ты? Так это ты приказал меня похитить?

Смотрю в его глаза и чувствую, что тону. И в этом нет ничего романтического, о чем так любят писать в книгах. Этот взгляд буквально засасывает в воронку тьмы, из которой нет возврата.

Не без труда отвожу глаза и жду ответа. Незнакомец обходит меня по кругу, словно дикий зверь, и останавливается напротив.

– Да, дорогая, это я приказал!

Он ухмыляется и заправляет прядь моих волос за ухо. Я же отскакиваю от него, будто меня укусила ядовитая змея.

– Не смей ко мне прикасаться! Ты не имеешь никакого права!

– Ох, наивная моя девочка... Еще как имею! Ваш отец продал вас, и теперь это ваш дом. Привыкайте, ведь наверх вы больше не вернетесь. Теперь вы полностью моя, и только я буду решать, что с вами делать!

Глава 1

Я выбегаю из восточной части кампуса Тринити колледжа и несусь через парк к широкой улице. Сумка постоянно падает с плеча и больно бьет по бедру острыми уголками книг, но у меня даже нет времени, чтобы ее поправить. Преподаватель, который ведет у нас право, любит задерживать занятия до победного конца. Из-за него я часто опаздывала на смену и подставляла Молли, заставляя ее работать дольше. И сегодня именно такой случай. Лоб покрывается испариной, а я все не прекращаю бежать. Я сворачиваю на главную улицу, где расположился паб. Остается пробежать еще десяток кварталов, чтобы достичь цели, но в боку колет и я вынужденно сбавляю темп. Я останавливаюсь и пытаюсь отдышаться. Вокруг снуют люди. Толпы туристов уже повыходили на вечерние прогулки, чтобы пропустить по паре бокалов пива в одном из многочисленных баров. Все они перемешиваются в общем оживленном потоке, заставляя чувствовать себя песчинкой в живом море. Джеймс Джойс в одной из своих многочисленных книг пишет, что это интересная задача – пересечь Дублин, не наткнувшись на паб. «Более шести сотен пабов в Дублине!» – гласят листовки, которые выдаются каждому туристу на любом углу. Я же считаю, что этот город намного интереснее, если не сосредотачивать мысли на веселье, а руки не заковывать в «ирландские наручники».

Я перекидываю надоевшую сумку через плечо и ковыляю к работе. Если верить наручным часам, я опаздываю уже на двадцать минут, а когда приду, будет уже все сорок, расстроено думаю я. Будь у меня собственный транспорт, добираться было бы куда быстрее. Но сейчас я считаю каждый евро, не позволяя себе лишних трат.

Пару лет назад мама сильно заболела. Ей пришлось уволиться из библиотеки, где она зарабатывала пусть немного, но достаточно, чтобы оплачивать счета и медицинскую страховку. Отец первое время помогал, пока они жили с мамой. Но его увлечение азартными играми вредило семейному бюджету сильнее, чем могла помочь его способность зарабатывать. В конце концов он ушел от нас, решив, по-видимому, что нам без него будет легче. Может, он и прав, но от этого осознания денег больше не становилось. Да, мне было нелегко, особенно когда приходилось брать смены одна за другой, а иногда готовиться к занятиям прямо на промасленной кухне паба. Но я не жаловалась. Пока у меня есть возможность учиться, не тратя все дни исключительно на работу, остается надежда на то, что, окончив колледж, я смогу найти действительно высокооплачиваемое занятие.

А пока я бегу по заполненной людьми Графтон-стрит, спеша на смену, мысли обо всем подряд занимают голову, не позволяя расслабиться.

Теперь все легло на мои плечи. И чтобы хоть как-то держаться на плаву и иметь возможность обеспечивать маму нужными лекарствами, мне приходится работать в пабе с момента окончания занятий и до поздней ночи, не успевая даже поесть и не имея ни минуты свободного времени. Вечер уже обозначил свои права, и высокие фонари, неоновые вывески и мигающие отовсюду рекламы пабов, из которых доносится разножанровая музыка, наполняют город особой атмосферой, которую я так люблю. Наверное, именно она привлекает все те толпы туристов, которых я вижу ежедневно.

Я вбегаю в паб в половине седьмого вечера. Массивная дубовая дверь приветливо открыта, впуская и выпуская посетителей, а музыка, разрывающая колонки, долетает до улицы, разнося по округе аккорды фолк-рока. Забежав за стойку, я машу Молли, которая обслуживает дальний столик, и приветливо ей улыбаюсь. Девушка замечает меня и с облегчением выдыхает. В ее взгляде явно читаются волнение и радость, оттого что не придется брать вторую смену, чтобы прикрыть мою опаздывающую задницу. Сегодня не слишком многолюдно, и у меня появляется надежда, что я смогу немного позаниматься учебой.

– Ох, Перси, я уж думала, ты не придешь! – сокрушенно вздыхает Молли, на ходу развязывая пестрый передник. Ее рыжеватые локоны выбились из пучка и нервно подрагивают при каждом движении хозяйки. Она устало плюхается на табурет и вытягивает стройные ноги.

– До чего же набегалась! Людей немного, но сегодня прямо день идиотов. Вот скажи мне, чтобы напиться до поросячьего визга, важно ли, с каким соусом будет картошка-фри? – подруга морщит веснушчатый носик и недовольно фыркает. – Один тип заставлял меня три раза менять его заказ, хотя я точно помню, *что* он требовал. Видимо, его смутило то, что я не записывала. Но ты же знаешь, на память мне жаловаться не приходится.

О да, я это знала. Память у Молли отменная. Она могла запоминать шестизначные числа, прокручивающиеся перед ней со скоростью света, и потом воспроизвести их с точностью робота Дейта.

– Ну, зная тебя, недолго ты терпела. Так что спрошу только вот что: сильно ли ругался Билли, когда узнал, что клиенту испортили рубашку? – хохочу я, завязывая свой передник на талии.

– Нет, Билли не узнал. Можно считать, сегодня мне повезло!

Молли встает и начинает собираться, а я, увидев новую парочку посетителей, приступаю к работе. К ночи, когда людей становится все больше, а моих сил все меньше, в паб заваливается пьяный мужчина. По пути задевая столики, плюхается на первое увиденное им свободное место и тут же бросает на меня взгляд. Я оглядываюсь в поисках Майка. Он обычно прохлаждается в углу паба, распивая очередную чашку кофе, и не спешит выпроваживать тех посетителей, которые начинают приставать к официанткам или крушить мебель. Сейчас же его вообще нет на своем месте, и я начинаю нервничать.

Пьяный мужчина разваливается на стуле и пренебрежительно махает мне рукой, всем своим видом показывая, насколько он недоволен. Я ощущаю себя скверно: словно сдаю экзамен по прикладной математике, зная, только что на ноль делить нельзя. Собрав волю в кулак, двигаюсь к нему и застываю перед его столиком, не отрывая взгляда от блокнота.

– Что будете заказывать? – безэмоционально спрашиваю я.

– О, значит ты уже будешь записывать? А я надеялся встретить ту самую тупицу, которая посчитала себя достаточно умной, чтобы запомнить заказ. Умная официантка? – скрипит он, а затем глупо ржет.

Я кривлюсь. Что за стереотипы?

– Что будете заказывать? – повторяю вопрос, не желая реагировать на его нападки.

– А ты другие слова знаешь? – Нагло интересуется мужчина и, не услышав ответа, недовольно бурчит: – Темное пиво и запеченные сырные палочки. Только, будь добра, хрустящие снаружи и мягкие внутри, но не сырые!

– Я передам ваши пожелания повару.

Черкнув в блокноте ругательное слово напротив заказа, я бегу к кухне. Майка все нет, и я раздраженно вздыхаю. Вот как тут работать?

Пока заказ мистера стереотипа готовится, я наливаю пиво и приношу запотевший стакан к его столику, стараясь не встречаться с мужчиной взглядом. Затем возвращаюсь за барную стойку и смотрю на вход – еще один посетитель. На минуту время замирает. Кажется, что даже звон посуды и музыка перестают доходить до моих ушей. Движения каждого присутствующего в баре становятся плавными и тягучими, словно они завязли в желе. Я и сама чувствую себя мухой, прилипшей к липкой ленте. Тем временем вошедший двигается с нормальной скоростью, когда вокруг него творится что-то невообразимое. А что самое странное – кажется, этого никто не замечает, кроме меня. Вальяжно обходя столики, незнакомец не задевает их даже лапами своего длинного темного пальто.

Он садится в дальнем углу, сложив руки перед собой, и поднимает на меня свой темный изучающий взгляд. Я уверена, что, позови он сейчас меня к себе, я бы не смогла сделать и

шагу, по крайней мере по своей воле. Странное липкое чувство страха вибрирует в груди тревожным эхом. Этот мужчина не похож на наглеца со стереотипами или на тех парней, которые учатся со мной в колледже. По правде говоря, он вообще мало на кого похож. Его живым коконом окутывает темнота. Помещение вдруг становится слишком тесным. Незнакомец не просто заполняет собой пространство – кажется, что весь бар буквально пропитан им. Если раньше здесь царило веселье, то теперь безраздельно властвует он. Мужчина долго смотрит прямо мне в глаза. Я думаю, пролетела целая вечность, хотя прошло от силы несколько минут, и, к моему ужасу, мужчина медленно кивает мне, словно разрешая подойти. Нет, он не зовет, а именно разрешает.

Может, усталость сыграла со мной такую шутку или же я опьянела от паров алкоголя, но я не могу отделаться от чувства, что качусь в пропасть на бешеной скорости, не имея возможности притормозить.

Я подхожу к его столику на негнущихся ногах и смотрю на незнакомца, не в силах ответить взгляд. Тонкая белая рубашка облегает его тело, открывая уголок смуглой кожи под не застегнутой верхней пуговицей. Пальто он снимать не стал, словно не собирался здесь задерживаться надолго, оно и верно. Пабы вроде нашего всегда были домом для рабочих мужиков с рыжей бородой и в клетчатых рубашках или студентов, решивших, что они достаточно взрослые, чтобы напиться вдрызг, запивая неудачи с девушками алкоголем. Все они вперемешку с отдыхающими туристами в модной одежде и теми, кто предпочитал спортивный стиль, всегда толпились именно в нашем пабе. Этому же мужчине больше подошел бы элитный ресторан где-нибудь в центре с видом на реку Лиффи. Здесь же он смотрится как диковинная птица в сельском курятнике.

– Что будете заказывать? – хрипло интересуюсь я, боясь ответить ему взглядом.

– Виски со льдом, – произносит незнакомец низким бархатным голосом, от которого у меня все волосы на теле становятся дыбом.

Да кто он такой? Почему мне кажется, что я готова потерять сознание прямо тут? Я с вызовом смотрю ему в глаза, пытаюсь собраться с мыслями. До закрытия бара остается всего лишь час. Мне просто нужно выдержать эту смену. И если еще недавно я думала, что главной моей проблемой является парень-стереотип, то этот посетитель со взглядом хищника заставляет меня изменить свое мнение.

– Какие предпочтения по виски? У нас есть...

– На ваш вкус, – обрывает он меня на полуслове, и я с облегчением выдыхаю. Каждая секунда возле него подвергает мою нервную систему немалому испытанию. Круто развернувшись на пятках, я несусь в направлении барной стойки.

Когда я отношу заказ молчаливому незнакомцу, меня окликают тот самый клиент с сырными палочками:

– Эй, ты! – заплетающимся языком голосит мужчина. – Поди-ка сюда!

Я внутренне съеживаюсь от такого отношения. Конечно же, я простая барменша-официантка, и ко мне можно относиться подобным образом. Но за свою недолгую жизнь я успела уяснить одну истину: судить человека нужно по тому, как он относится к людям ниже его по статусу. В этом его подлинное лицо, настоящее нутро. И этот индивид явно недополучил ни воспитания, ни элементарной этики.

– Чего желаете? – спрашиваю, закусив губу от злости.

– Повтори заказ!

– Сырные палочки и «Гиннесс»? – уточняю я.

– Ты насколько тупа, что не можешь запомнить то, что я заказывал? Ну так запиши в свой ободранный блокнот!

Я вспыхиваю от такой наглости и оглядываюсь на Майка в поисках поддержки. Но тот болтает по телефону и не обращает на разыгравшуюся сцену никакого внимания. Естественно,

все знают меня как ту, которая сглаживает все острые углы сама. Вот если бы на моем месте сейчас стояла Молли, такое желанное пиво оказалось бы не в бокале, на столике у молодого человека, а на его голове. И Майк бы не трепался, беззаботно помахивая ногой, а уже наострил бы уши в сторону назревающего конфликта.

Но я лишь покорно киваю и иду к кухне. Передав повару заказ, я облокачиваюсь на барную стойку и, подперев подбородок кулаком, грустно вздыхаю. Сколько мы уже с Молли просим нанять еще одну официантку или, на худой конец, бармена, но Билли каждый раз отмахивается. Он не хочет расширять штат в надежде сберечь свой бюджет, совершенно не заботясь о тех, кто перерабатывает дневную норму. Неудивительно, что меня так быстро приняли на работу. Здесь мало кто горит желанием работать и мало кто задерживается надолго.

Я поправляю тугий узел волос, от которого безумно болит голова. Вот еще один минус этой работы – неудобная прическа. Молли могла собрать резинкой легкие, выющиеся до плеч волосы и забыть о них. Мои же тяжелые космы, достающие до талии, в собранном виде ощущаются как маленький вагон осмия. К концу дня я всегда расплетала надоевший пучок и в прямом смысле слова стонала от удовольствия.

Я смотрю на часы: до конца смены остается совсем ничего. Да и кому какое дело, в каком виде я закрою бар? Все напились и стали потихоньку расходиться, так что я немедленно стягиваю резинку и распускаю светлые волны волос по плечам. Блаженство на минуту затопливает мой разум, и толпы мурашек бегут по голове, создавая неописуемое ощущение легкости. Но вдруг я ощущаю на себе чей-то тяжелый взгляд.

Открыв глаза, я вижу все того же незнакомца, в длинных пальцах которого покачивается стакан с виски. Его темный взгляд прожигает меня насквозь, и простое движение волосами кажется мне самым распутным, что я когда-либо делала. Мы смотрим друг на друга бесконечно долгие несколько секунд, пока за спиной у меня не звякает колокольчик из кухни. Заказ из сырных палочек для мистера хама готов. Я подхватываю тарелку и несусь к столику, стараясь выкинуть из головы мысли о черных глазах, нагло вперившихся в меня, словно в свою собственность.

– Чего так долго? Я что, должен до зимы ждать? – парень еле ворочает языком, и мне хочется сказать, что ему давно пора не сырные палочки по барам жевать, а сладко спать в своей кровати, но удержавшись, я лишь тихо роняю:

– Через двадцать минут бар закрывается, если вы не успеете доесть, мы всегда можем собрать вам все с собой! Приятного аппетита!

Разворачиваюсь, но тот хватает меня за руку, не позволив сделать и шагу.

– Что ты сказала?! – гремит он над моим ухом. – Я сам решу, когда уходить, поняла?

Я не без труда вырываю руку из его захвата и потираю кожу, на которой, скорее всего, завтра будет синяк. Оглядываюсь в поисках Майка, но тот, видимо, решил укоротить себе рабочую смену и, скорее всего, свалил домой.

– На меня смотри, когда с тобой разговаривают! – парень грубо хватается за подбородок и разворачивает к себе.

– Отпусти! – кричу я, на что слышу лишь едкий смех.

Глава 2

Вдруг воздух сгущается и снова возвращается чувство тягучести происходящего. Хам этого не замечает и продолжает ухмыляться. Словно в замедленной съемке, он поднимает руку в попытке меня ударить.

Вскрикиваю, но мой возглас тонет в белом шуме. Я могу тысячу раз увернуться за то время, пока рука мужчины приближается к моему лицу, но почему-то застываю, пытаюсь прогнать из головы парализующий туман. Чувствуя, как все мышцы напрягаются, будто пружины, начинаю понимать, что нужно что-то делать, а не стоять и таращиться. И как только я собираюсь отпрянуть, время полностью останавливается, обездвиживая даже меня. Мистер хам застывает, будто каменное изваяние, а я чувствую сковывающий холод. Тело меня не слушается, но с большим усилием я могу немного отвести взгляд в сторону, где вижу ухмыляющегося незнакомца.

– Этот мужчина больше тебе не помешает! – говорит он.

Вместе с его голосом все вокруг меркнет, а я прихожу в себя, лишь когда бар полностью становится пустым. Согласно настенным часам, с момента начала всей этой ситуации прошло не больше пятнадцати минут, так почему же я стою одна посреди пустого зала и удивленно хлопаю глазами?

Возвращаться домой приходится глубоко за полночь. Я позволяю себе взять такси, ведь после того, как мистер хам ушел, на столе красовалась кругленькая сумма чаевых. Хотя какое-то утешение от этого странного дня и безумного вечера, события которого до сих пор не укладываются в моей голове.

Мы живем на окраине города, в маленькой квартирке на втором этаже пятиэтажного дома. Внизу, прямо под нами, располагается булочная, где я часто перехватываю кофе и пару пончиков перед учебой, когда не успеваю позавтракать дома. Иногда я прибегаю с работы, чтобы только успеть переодеться и поцеловать маму, ведь нужно снова бежать на учебу, где меня могло сморить прямо на лекции. Все это идет в ущерб колледжу именно поэтому я и не люблю ночные смены. А еще из-за темноты, по которой приходится возвращаться домой. Я не люблю ночь. Не люблю темноту и тишину пустынных улиц. И если центральная часть города не засыпает даже до первых лучей рассвета, освещая путь яркими огнями вывесок, то район, где живем мы с мамой, утопает во тьме сразу после захода солнца. Сегодня же, приехав на такси домой, я получаю возможность выспаться получше, чему несказанно рада.

Я захожу в тихую квартиру и ставлю сумку на пол. Прокравшись к своей комнатке, останавливаюсь у маминой двери и прислушиваюсь. Это уже привычный для меня ритуал. Услышав ровное сопение, я с облегчением выдыхаю и захожу к себе.

Запах моих любимой сирени, источаемый ароматическими свечами, тонким шлейфом окутывает мое уставшее тело. Сбросив одежду, я иду в душ, наскоро смываю с себя прожитый день и валюсь спать.

Утро приносит лишь головную боль и чувство, будто меня переехали бульдозером. Вяло поднявшись с кровати, я заворачиваюсь в розовый плед и смотрю в окно. Крупные капли дождя хлещут по стеклу, оставляя кривые линии осени. Прибившийся мокрый лист медленно сползает по ту сторону прозрачной перегородки, погружая меня в еще большее уныние.

Осень в Дублине мало чем отличается от лета. Дождь всегда был нашим постоянным спутником, и если день выдался погожий, то его можно смело причислять к народным праздникам Ирландии. Сегодня праздника явно ждать не приходится, да и еще странное тянущее чувство приближающейся опасности не дает глубоко вдохнуть.

Я нехотя одеваюсь и выхожу на кухню. Толстый шерстяной свитер с высоким горлом неприятно покалывает кожу, но должен уберечь от непогоды. Натянув рукава на озябшие кисти, я целую маму в щеку и сажусь на высокий стул.

– Будешь блинчики? – интересуется она, ласково улыбнувшись.

– Нет, извини, только кофе и побегу на учебу.

– Ну вот, мои блинчики не ешь, но я уверена, что по дороге обязательно забежишь к старой Эбигейл за ее пончиками в сахарной глазури, – со смешком бурчит мама и садится напротив. – Я не слышала, как ты вчера вернулась. Видимо, дождь отнял все силы и я опять уснула.

– Поздно пришла? – спрашивает мама. Вид у нее уставший, но вполне здоровый.

– Не слишком. Вчера оставили хорошие чаевые и я позволила себе такси.

– Это правильно! И так уже выглядишь как мумия. Того и гляди в обморок свалишься от недосыпания. Перси, может, бросишь работу? – выдохнув, грустно тянет мама.

– А жить мы на что будем? Не говори ерунды, ма! Все, я пошла, пока!

Подхватываюсь и, допив одним глотком остатки кофе, бегу вниз. Мама оказалась права: я не удерживаюсь и захожу в кофейню к Эбигейл. Женщина выносит мне капучино и пару пончиков. Справившись о здоровье матери, она желает мне хорошего дня.

Я хватаю свой заказ и выбегаю на улицу. Свежий осенний ветер развеивает мои распущенные волосы, утяжеляя их влагой. Листья приятно шуршат под тяжелыми ботинками, а дождь превращается в унылую дымку. Осень, конечно, красивая, но я больше люблю весну. В октябре все пропитано духом увядающей природы, а грусть, сквозящая в воздухе, едва ли может создать тот уют, о котором трубят заголовки книжных витрин.

Но с чем трудно спорить, так это с тем, как красиво Дублин встречает эту пору года. В октябре все улицы и дома, деревья в парках и витрины магазинов превращаются в один милый кошмар с кучей паутины, тыкв и привидений. Это месяц, когда все ирландцы готовятся отмечать Самайн. Этот кельтский праздник берет свое начало еще со времен, когда люди верили в единорогов, ведьм и, конечно же, лепреконов. Маленьких вредных созданий, припрятывающих в своих норах горшочки с золотом. Считается, что в ночь на первое ноября ткань миров истончается и на свет выбирается вся нечисть. Не знаю, насколько я верила в подобное, если верила вообще, но уж точно не рискнула бы выйти после полуночи на улицу. Если на меня не нападет какое-то привидение, то был немалый шанс оказаться убитой где-нибудь в водосточной канаве, послужив развлечением для других монстров. Хорошо, что в этот день, точнее ночь, будет не моя смена. Не хотелось бы возвращаться домой, встречая на пути горящие глаза искусственных привидений. Да, в свои двадцать я все еще была трусихой и, бывало, даже оставляла включенным свет у кровати, за что в свое время получала от папы нагоняй. Ну, до того как он ушел... Сейчас, после всего, что мне довелось пережить, я боюсь только одного – вовремя не заплатить за мамино лечение.

Я запикиваю в себя один пончик, как раз когда подъезжает автобус. Обрадовавшись такой удаче, доедаю оставшееся лакомство по пути на учебу и, выскочив из транспорта, закидываю пустой стаканчик в урну. Сахар в тандеме с кофеином бодрит и прибавляет настроения. По дороге в кампус мне встречаются Мелисса и Дейзи. Нельзя назвать нас лучшими подругами, но мы довольно хорошо общаемся. Мы учимся на одном потоке и часто помогаем друг другу с лабораторными.

– О, Перси! Ты пришла? Сегодня так ветрено, что мы думали, тебя принесет не раньше лекции Беннета, – говорит Дейзи, хохотнув.

Я отвечаю ей улыбкой и перевожу взгляд на молчаливую Мелису. Трудно было представить более разных людей, чем эти двое. Вечная хохотушка Дейзи никогда не упускала шанса над кем-нибудь пошутить. Ей бы этого не прощали, если бы она так же умело не шутила и над собой. Люди не любят саркастических задир, но у девушки получалось так заразительно сме-

яться над своими недостатками, что никто не видел в ее шутках злого умысла. Мелиса же всегда была будто бы чем-то обижена. Вечно нахмуренные брови создавали небольшую складку на лбу, что очень портило действительно симпатичное лицо девушки.

– Сегодня мне сопутствовал ветер, подгоняя в спину, потому удалось добраться пораньше. Пойдемте? Скоро начинаются лекции... – последнюю фразу я произношу более протяжно, и девушки кивают, подмечая мое недовольство.

– Перси, ну ты как всегда! Тебе не скучно быть такой занудой? – Дейзи стреляет в меня взглядом.

– Если б я не была занудой, то вряд ли бы здесь училась.

– И то правда! – соглашается девушка, когда мы заходим в помещение.

Лекции проходят в обычном режиме, но дурное предчувствие, преследовавшее меня с утра, достигает своего апогея к обеду. Идет пара философии, когда в аудиторию заглядывает человек в форме.

– Я детектив Дэниел О`Хьюз, могу я поговорить с Персефой Рейли? – звучный бас разносится по всему помещению.

– Да, конечно! Перси, можешь быть свободна! – пожилая преподавательница махает рукой, даже не взглянув на меня, как будто у нее с каждой лекции уводят учеников в участок «Гарды».

– Отлично... – шепчу я, собирая сумку.

Выходя из аудитории, я чувствую на себе десятки пар глаз, уставившихся мне в спину. Словно меня не на беседу вызвали, а признали виновной в убийстве соседей и их маленького пуделя.

Мы с инспектором выходим в коридор, и он без предисловий спрашивает:

– Мисс Рейли, где вам будет удобно вести беседу, здесь или в участке?

– Здесь! – не раздумывая отвечаю я. Кому же по доброй воле захочется пересекать студенческий парк в сопровождении представителя «Гарды»?

– Отлично, присядем тогда? – он указывает на узкую скамью возле лестницы и, дождавшись, когда я сяду, продолжает: – Я не отниму у вас много времени. Мне только нужно знать, где вы были вчера примерно с двух до четырех ночи?

– В два часа я закрыла бар, в котором работаю, и отправилась домой, – отвечаю я, не понимая, к чему клонит мужчину.

– Правильно ли я понимаю, вы работаете в баре «Форест Джонс»?

– Да, там. А что случилось?

– Вчера ночью, предположительно в это время, был убит мужчина. Последний раз его видели выходящим из вашего бара, – сухо отвечает инспектор. – Вы не припоминаете ничего странного?

Меня обдает волной жара. Я пытаюсь собраться и спокойно отвечаю:

– У нас много вчера было посетителей. И практически все мужчины. Но ничего странного я не заметила.

Инспектор роется в своей папке и достает оттуда фото.

– Этот мужчина вчера был в вашем баре? Вам знакомо его лицо?

Когда передо мной оказывается фото парня-стереотипа, внутри что-то обрывается. Я в страхе замираю, и это не укрывается от зоркого глаза детектива.

– Расскажите мне, мисс Рейли, не заметили ли вы чего-нибудь странного в его поведении? Может, он ссорился с кем-то во время его пребывания в вашем баре? – вопрос звучит холодно и безэмоционально, словно заученная речь, но я угадываю в тоне детектива напускное спокойствие.

Мне не хочется рассказывать о том странном мужчине, который утихомирил наглеца. Казалось, что даже если меня посадят в тюрьму за укрывание преступника, то это будет сущей

мелочью по сравнению с тем, что будет, если я сдам незнакомца. Вряд ли он следует хоть каким-то законам. У таких, как он, есть собственные законы. И собственные методы расправы.

Меня заметно трясет, но я все же стараюсь ответить:

– Да, он ссорился! Этот мужчина пришел в наш бар уже в нетрезвом состоянии. Он начал задирать посетителей, оскорблять меня и в целом вел себя довольно вызывающе. Но из бара он ушел один. Не удивлюсь, если сразу же после ухода он нахамил каким-то другим людям, которые его и прирезали...

– С чего вы взяли, что его зарезали, мисс? – офицер прищуривается, а я прикусываю себе язык за болтливость. А если и правда я угадала причину смерти? Что тогда, я главная подозреваемая? Проклятье, вот же будущий юрист! Никогда не умела врать, нечего и начинать.

– Нет, сэр, я не знаю, я просто предположила, – мямлю я, понимая, что сама себе копаю яму все глубже. – Так его зарезали?

Офицер улыбается одним уголком губ.

– Нет, мисс, не переживайте! Причина смерти в другом.

– И в чем же? – с облегчением выдыхаю я.

– Мы не вправе разглашать эту информацию. Спасибо за содействие. Если что-то вспомните, позвоните по этому номеру, – мужчина сует в мои трясущиеся руки визитку и встает.

– Хотя я и не должен говорить, но, мисс, если вы что-то знаете... не медлите, расскажите! Это не первая подобная смерть. Сначала мы думали, что это какая-то болезнь, но теперь понимаем, что не могут совершенно здоровые люди ни с того ни с сего умирать посреди улицы. Они все полностью истощены, у них не осталось жизненных сил, – голос офицера наполняется мрачными нотками: – Они буквально умирают от истощения, понимаете?

– Тогда почему вы считаете, что это убийство? – выдавливаю я из себя.

– Все эти случаи происходят исключительно ночью, да к тому же... – мужчина словно специально выдерживает паузу, чтобы еще больше заставить меня нервничать, – на телах всех жертв есть следы сопротивления. Я это вам говорю только для того, мисс, чтобы вы поняли всю серьезность ситуации и по возможности посодействовали следствию.

Он запахивает пальто и выходит на улицу не оглядываясь. А я еще несколько минут сижу и трясусь. То ли от холода, то ли от страха. Неужели тот незнакомец с прожигающим взглядом – действительно убийца? Однозначно да. И стоит ли рассказывать о нем «Гарде»? Однозначно нет. Даже если б я решилась на это, то что бы я сказала? Я сама не поняла, что вчера произошло! Почему остановилось время и каким образом вышло так, что я не помню последние пятнадцать минут перед закрытием бара? Как минимум меня бы сочли сумасшедшей.

Я смотрю на наручные часы и решаю больше не возвращаться на занятия. Все равно до окончания лекции остается чуть больше получаса. Ничего нового я не узнала бы, а вот отвечать на вопросы подруг о том, чего от меня хотел детектив, пришлось бы. А мне совсем этого не хочется. Поэтому я натягиваю рукава свитера на озябшие пальцы, подхватываю сумку и выхожу на улицу. Дождя нет, но сизая дымка оседает влагой на волосах и одежде, то и дело вызывая приступы озноба.

Я решаю прогуляться до дома и обдумать все то, что сказал офицер. Если убийства происходят исключительно ночью, значит, сейчас мне можно не бояться. Стойкое ощущение, что незнакомец вернется за мной, не покидает ни на миг. Я осматриваюсь по сторонам, но не вижу ничего странного. Моя паранойя играет со мной злую шутку. Мне кажется, что за мной следят, но, кроме редких прохожих, занятых своими делами, я никого не встречаю. Уже подходя к дому, я вдруг осознаю, что, оглядываясь, я всю дорогу мельком видела один и тот же автомобиль. Черный неприметный седан с полностью тонированными стеклами, скрывающими хозяина машины, ехал за мной, не увеличивая скорости. Я резко оглядываюсь, но улица пустынна. Ветер гоняет лишь обрывки газет и листья, прохожих и вовсе нет. Но почему я чувствую на себе чужой взгляд? Тот, который прожигает насквозь, заставляя дрожать от ужаса.

Глава 3

В течение следующих нескольких дней после этих странных событий, я продолжаю нервно оглядываться по сторонам каждый раз, когда остаюсь в одиночестве. Паранойя никак не хочет отпускать мое сознание ни на миг. Ночами я просыпаюсь в холодном поту. Мне снятся черные глаза. Они гипнотизируют и зовут за собой, а я пытаюсь бежать. Но куда бы я ни свернула, неизменно наталкиваюсь на хищный взгляд незнакомого мужчины из бара. Он мучает меня и прекрасно об этом знает. Он, словно зверолов, размеренно и методично загоняет свою добычу в клетку. И когда я думаю, что смогла наконец-то убежать, теряясь в темных переулках города, земля подо мной проваливается и я лечу в ад, прямо демонам в руки.

Незнакомец истязает меня не одну ночь, и я уверена, эти сны являются не просто снами – он специально сводит меня с ума. Я практически перестаю спать, и даже мама замечает неладное.

– Перси, что с тобой происходит? Ты сама не своя последнее время. У тебя проблемы? – однажды спрашивает мама, наливая мне кофе в высокую чашку.

Утро снова выдается пасмурным, а в небе за большим кухонным окном собирается дождь. Вздвогнув то ли от холода, то ли от воспоминаний о сне, я качаю головой.

– Нет, все отлично, просто соскучилась по солнцу, – быстро отвечаю и перевожу тему: – Ты как? Выпила таблетки?

– Ох, точно, забыла! – сокрушенно говорит мама и медленно поднимается со стула.

Я замечаю, как ее расстраивает эта постоянная забывчивость.

Доктор сказал, что при ее болезни такое возможно, и назначил таблетки для улучшения памяти, которые она, опять же, забывала пить. В мои обязанности входит вовремя напомнить ей о них, иначе может случиться так, что мама забудет выключить плиту или не найдет дорогу домой из магазина.

– Хорошо, тогда я пойду! Сегодня смена, рано не жди!

Я целую маму в щеку, хватаю сумку и бегу вниз. Заскочить к Эбигейл я сегодня не успеваю. Увидев ее, выглядывающую из окна кофейни, я машу рукой в знак приветствия и лечу на учебу.

Чуть не опоздав на автобус, я впрыгиваю в салон и оглядываюсь. Неприметный черный автомобиль останавливается позади, прямо за стеклом у последних пассажирских сидений. Но как только мы отъезжаем, исчезает в дорожном потоке, сопровождаемый визгом шин. Осознание сваливается на голову пыльным мешком: это же тот самый автомобиль, замеченный мной после случая в баре! Я снова вздрагиваю, понимая, что это не может быть простым совпадением. За мной явно следят, но для чего? Может, сходить в «Гарду» и сказать об этом офицеру? Но что, если за мной наблюдают как раз для того, чтобы убедиться, что я никому не сболтну лишнего? Или они стерегут единственного свидетеля? Если так, то им легче было бы меня просто убить. От этой мысли все волоски на теле становятся дыбом. Ну что я за неудачница? Никуда не выхожу, только дом, работа и колледж, но и тут умудряюсь влипнуть. Если это будет продолжаться, придется рассказать об этом маме, офицеру, да кому угодно, но ждать неприятностей я тоже не стану.

Целый день я не могу взять себя в руки. Мои мысли то и дело переключаются либо на те пугающие сны, либо на странную машину, явно преследовавшую меня. Из-за этого я отвечаю невпопад, не успеваю записывать лекции и подолгу смотрю в одну точку, игнорируя вопросы преподавателей. Девчонки поглядывают на меня с подозрением, но стараются не лезть с расспросами, за что я им очень благодарна. К концу занятий я настолько себя накручиваю, что, выйдя из кампуса, шарахаюсь от каждой черной машины.

Снова начинается дождь, и я, прикрывая голову сумкой, бегу к бару. Вода стекает по волосам, превращая меня в чучело похлеще тех, которые болтаются на ветках деревьев в парке, чтобы пугать прохожих и создавать антураж к Хэллоуину. Ботинки промокают, а джинсы неприятно прилипают к ногам. Я пробираюсь к пабу, лавируя между спешащими прохожими. Мне уже становится видна наша вывеска, блекло мигающая в пелене дождя, когда я останавливаюсь, пропуская машину, чтобы перебежать дорогу. Но эта машина не собирается проезжать. Если бы не дождь, значительно ухудшающий обзор, я бы бежала со всех ног, лишь увидев ее издали, но черный седан перерезает мне путь и тормозит у самих ног.

Из машины неторопливо выходят двое мужчин, и я сразу понимаю, что явились они по мою душу. Оценив ситуацию, я в ту же секунду мчусь к бару, оставляя их позади. Разбрызгивая лужи и уже не заботясь о прическе, я забегаю в паб. Сразу отыскиваю глазами Молли и лечу к ней, не обращая внимания на ошалевших посетителей.

– Что с тобой, Перси? – удивляется она.

– Некогда объяснять, Молли, спрячь меня, они пришли за мной! – паника накрывает с головой, и я оглядываюсь на вход.

– Кто пришел? Ты о чем? – не понимает подруга, следя за моим взглядом.

Короткостриженные, высокие, в деловых костюмах, они приближаются к бару, не спеша переходя дорогу. И вот на пороге показываются двое мужчин, которых можно было назвать не иначе как машинами для убийств. Я застываю, словно каменное изваяние, крепко вцепившись в руку Молли. Ногти впиваются в нежную кожу, но, к моему удивлению, девушка никак не реагирует.

Я смотрю на нее и заторможено говорю:

– Извини, я нечаянно...

Но мне никто не отвечает.

Я оборачиваюсь, и тогда до меня доходит – все вокруг снова застыло так же, как было, когда приходил тот незнакомец. Значит, он точно за мной следит. А теперь ему надоело это бессмысленное занятие и он решает избавиться от единственного свидетеля.

Я стараюсь не двигаться, чтобы не выдать себя раньше времени. Спасает то, что мы стоим у дальней стены, а перед нами находится много посетителей. Из-за дождя в бар набилось очень много народу, и у меня остается надежда, что они уйдут, не увидев меня. Глупо, но что мне остается делать?

Кошусь на ближайший столик, но ни ножа, ни даже вилки, чтобы защитить себя, не вижу. Поэтому, не придумав ничего лучше, ныряю под столик, скрываясь за узорчатой скатертью. Мужчины переступают порог, останавливаются у входа и неспешно окидывают взглядом помещение. Я молюсь, чтобы они не заметили меня. Выглядывая в узенькую щелочку между краями скатерти, я стараюсь даже не дышать, но мне кажется, что стук сердца, отдающийся в ушах, слышен даже на улице.

Тем временем мужчины двигаются дальше, цепко осматривая каждого посетителя. Они метают взгляды в каждого, словно острые ножи, а их дыхание, точно как у того незнакомца, наполнено тьмой. Но вся та мрачная сила, исходящая от них двоих, не идет ни в какое сравнение с ощущением от взгляда незнакомца на меня в ту ночь.

Пока мужчины медленно продвигаются по бару, я могу лучше рассмотреть их. Первым идет высокий парень в черном костюме, глаза у него серые как сталь, но темнота окружает его траурным ореолом. Квадратная челюсть и тонкий нос создают странный контраст, отчего по коже бегут мурашки. Он выглядит как смесь убийцы и психопата. За ним шагает второй – на полголовы ниже. В таком же элегантном костюме, которым ни на миг не мог меня обмануть. Я подкоркой чувствую, что передо мной настоящие душегубы, а не джентльмены со светского раута.

Первый из них подходит к парню в клетчатой рубашке. Студент застыл в странной позе. Остановка времени настигла его, когда он нес бокал пива, и в тот момент, когда время замерло, как раз огибал парочку девушек, задорно им подмигивая. Преследователь заносит руку над головой студента, легонько прикасается к рыжим волосам и закрывает глаза. На лице его появляется блаженная улыбка, а от парня в этот момент тянется свет. Он, словно вода в сухой песок, вливается в темноту глаз незнакомца. И чем дольше это продолжается, тем серее и старше становится лицо студента.

Я прикрываю рукой рот, чтобы не вскрикнуть. Даже мне понятно, он его убивает! Так вот что произошло с тем мистером хамом? Его выпили эти двое – или же их хозяин? – но суть одна. Эти неизвестные чудовища питаются жизненной силой! За несколько секунд молодой парень превращается в чахлого старика. Это, судя по всему, приносит сильнейшее удовольствие наемнику, в которого стекается свет студента. Я стараюсь дышать через нос, но тошнота накатывает с каждым мгновением все сильнее. Что это за твари такие? Как они могут так поступать?

Второй наемник подходит к другу и безжизненно произносит:

– Босавин, оставь его. Здесь полно света, не обязательно черпать все из одного. Хозяин нам этого не простит.

Босавин нехотя убирает руку и недовольно оглядывается:

– Ты прав, Гадриель, но тебе ли не знать, как приятно допивать последние капли света! Видеть, как жизнь покидает некогда молодое и сильное тело! Но так и есть, здесь есть еще чем поживиться! – Ехидная ухмылка трогает тонкие губы мужчины. – И раз мы на земле, я не упущу эту возможность. Неизвестно, сколько хозяин будет держать нас впроголодь.

Они идут дальше, выпивая понемногу света из других посетителей, предпочитая молодых и здоровых. После каждого их прикосновения лица людей приобретают серость и усталость, а в глазах пропадает блеск и задор. Не удивлюсь, если они впадут в сильнейшую депрессию после этого, не найдя причины своему странному состоянию. Да и вряд ли какой-либо врач сможет им помочь. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что Босавин сотворил с бедным студентом. Что это вообще за существа? Как такое возможно, да еще и посреди бела дня?

Мне хочется остановить это, сделать хоть что-нибудь, но я понимаю, что они только и ждут, когда я выдам себя. Да и реального вреда я им не нанесу. Поэтому я продолжаю следить за ними, судорожно пытаюсь сообразить, что могу предпринять в этой ситуации. Движения мужчин четкие, но не резкие. Они плавно двигаются от одного человека к другому и точно знают, что делают. Уроды получают от этого колоссальное удовольствие, упиваются своей властью и свободой, данной им их хозяином.

Я понимаю, что мне осталось недолго. Они пришли за мной явно не для того, чтобы разговаривать. И в подтверждение моих догадок один из них шипит:

– Ты слышишь? Она точно где-то здесь! Ее свет такой вкусный, что ни с чем не спутать! Но слишком большое количество людей мешает сосредоточиться! Теперь понимаю, почему хозяин послал за ней.

– Я и сам бы не отказался от такого лакомого кусочка! – зловеще хохочет второй, и они останавливаются напротив столика, под которым я прячусь. Скатерть скрывает меня, но маленькая щелочка между ее краями позволяет видеть все, что происходит. Всматриваясь в застывшее лицо Молли, Босавин прищуривается и заносит руку над ее головой, но Гадриель перехватывает мужчину.

– Остановись, ты и так видишь, что ей недолго осталось! Твое прикосновение, даже незначительное, убьет ее прямо здесь. Хочешь проблем – пожалуйста! Только без меня!

Что значит недолго? Это они про Молли? Но она же здорова и молода! Или они видят то, чего я не могу? Я знаю, что мне в связи с ситуацией тоже немного осталось, но волнение за подругу становится сильнее, чем за саму себя.

Плавный поворот головы Босавина и змеиное шипение дают понять, что он не согласен. Схватив Гадриеля за шею, он рычит:

– Не смей диктовать мне условия! Я сам знаю правила, и не тебе о них напоминать! – он ослабляет хватку и принохивается. – Мы скоро найдем девчонку, я чувствую ее, а до этого я хочу воспользоваться свободой по полной! Так что или убирайся, или заткнись!

– Я понял, отпусти! – хрипит Гадриель, отступая.

Для взвешенного решения у меня слишком мало времени. Когда рука Босавина тянется к Молли, я выскакиваю из-под стола, выхватываю из рук подружки железный поднос и со всей силы врезаю мужчине по лицу. Он явно не ожидал этого, поэтому не успевает среагировать. Удар приходится прямо по щеке, от чего его голова запрокидывается назад. Его напарник или не успевает сориентироваться, или не знает, что делать, но я пользуюсь их заминкой и с размаху даю ему ботинком между ног. Я не умею драться и, по правде говоря, никогда этого не делала, но адреналин, циркулирующий в крови, высвобождает какую-то скрытую часть моего «я».

– Только тронь ее, урод! – кричу я, сама не зная, кому из них адресовала угрозу.

Босавин держится за щеку и, увидев скорченного Гадриеля, не к месту смеется:

– Вот оно как оказывается! На земле можно получить не только вкусную энергию, но еще и по морде! – Он переводит взгляд на меня, и улыбка его резко исчезает: – Беги!

Я не жду второго шанса, чтобы сбежать, и просто срываюсь с места на немыслимой скорости. Не заботясь о том, что задеваю застывших посетителей, я несусь к выходу, раскидывая мешающих по сторонам, словно восковые фигурки. Мужчины практически догоняют меня, но удача поворачивается ко мне лицом, точнее бампером такси, на который я налетаю. Какофония звуков на миг дезориентирует меня, давая понять, что на улице время шло как обычно. Не останавливаясь, я запрыгиваю в машину и кричу водителю, чтобы немедленно трогался. Захлопывая за собой дверь, я чуть не отрубаю пальцы одному из преследователей.

– Сука! – доносится до меня, но мы уже вихрем летим по улицам Дублина. Водитель так виртуозно лавирует между машинами, будто бы каждый день уходит от погонь, а может, ему просто безумно скучно; или пожалел юную девушку, которая явно попала в беду. В любом случае, узнавать мне некогда. Прошу высадить меня на Темпл Бар Дистрикт. Оглянувшись, я не вижу в потоке машин черного седана, затем, быстро расплатившись с удивленным водителем, выбегаю из машины.

– Девушка, может, вам нужна помощь? – звучит приглушенный расстоянием вопрос встревоженного таксиста, но я уже мчусь вниз по улице.

Через пару кварталов запрыгиваю в автобус. Покружив по городу еще около часа, убеждаюсь в отсутствии слежки. Домой я попадаю под вечер, ужасно уставшая, голодная и испуганная. Мама дремлет на маленьком диванчике в гостиной, и я, прокравшись в свою комнату, обессиленно падаю на кровать. Крупные слезы обжигают мои щеки, а подушка впитывает громкий, отчаянный всхлип. Не знаю, как долго я плачу, но вскоре, так и не сняв грязную одежду, заворачиваюсь в теплый плед и засыпаю.

Глава 4

Мое пробуждение похоже на предпоследний круг ада. Почему предпоследний? Да потому что, когда я встаю, ощущаю себя на последнем. Голова дико раскалывается на мелкие неравные части, тело ноет, как после кардиотренировки, во рту пересохло. Я подхожу к зеркалу и ною в голос. Вчерашний не смытый дождем макияж размазался слезами по щекам и засох черными потеками по лицу. Веки опухли после ночной истерики и беспокойного сна. Светлые волосы спутались и висят по обе стороны помятого лица длинными взлохмаченными прядями.

Да уж, ну и видок!

В голове начинают возникать картинки вчерашних событий, и я вдруг понимаю, что мой потрепанный вид – совершенно ничтожная проблема по сравнению с тем, что меня ждет. А если эти мужчины, которые вчера меня преследовали, все же выяснили, где я живу? Что, если они придут сюда? Если кому-то из них вдруг захочется выпить мою маму? У нее и так жизненная энергия на исходе...

Кожа головы вмиг холодеет от ужаса. А что, если действительно узнали? Я даже не могу обратиться за помощью, ведь меня либо сочтут сумасшедшей, либо попросту не смогут помочь. Мои преследователи не совсем люди, а потому обычному человеку спастись от них невозможно. Так что же делать?

От этих вопросов голова начинает болеть еще больше. Я накидываю на плечи вязаную кофту и выхожу в гостиную. Мама уже не спит, она сидит на диване и, поджав под себя ноги, читает книгу. Тусклые каштановые волосы собраны в небрежный пучок на затылке. Услышав, что я зашла, она поднимает на меня радостный взгляд, но тут же мрачнеет:

– Что с тобой, дочка?

– Все хорошо! – дергано отвечаю я. Мне правда трудно объяснить, что происходит, но не заметить, что у меня проблемы, невозможно. – У нас есть кофе?

– Да, у нас есть кофе. Перси? – Мама вопросительно изгибает бровь.

Я нервно дергаю плечами и достаю с полки банку. Отвернувшись от внимательного взгляда родительницы, я беру высокую чашку и насыпаю в нее две ложки черного порошка. Да, мне нужно взбодриться, и лучший помощник в этом деле – кофе. Чайник вскипает мучительно долго, и все это время я спиной чувствую взгляд мамы, но не спешу оборачиваться. Что я ей скажу? Залив кипятком напиток, добавляю в него изрядную долю сливок и пару ложек сахара. Как ни пытаюсь я оттянуть момент, но поговорить все же придется. Медленно поворачиваюсь и встречаюсь с мамой взглядом.

– Да, у меня проблемы! – выдыхаю я.

– Что-то в колледже или на работе? – аккуратно уточняет она, боясь спугнуть мое решение все ей рассказать.

Нельзя назвать меня слишком скрытным человеком. Мы с мамой много чем делимся, особенно с тех пор, как остались одни, вдвоем против всего мира. Но, заботясь о ее здоровье, прежде всего душевном, я не спешу рассказывать ей о проблемах, предпочитая решать все сама. Она не знает сумму счетов, оттого спит спокойнее, а я, в свою очередь, уверена в том, что ее маленький мир, ограничивающийся нашей квартиркой, не будет подвергаться ненужным нервным потрясениям.

– Да, то есть нет... – мямлю я, собираясь с мыслями. Подхватив корзинку с любимым печеньем и с чашкой в другой руке, сажусь рядом с мамой.

– Мне кажется, меня преследуют.

– Что ты имеешь в виду? – брови родительницы сходятся на переносице. – Кто преследует?

Я нарочно медленно отпиваю горячий кофе, раздумывая над тем количеством информации, которое могу сказать без последствий для маминого нервного здоровья. Но и молчать нет смысла. Если нам угрожает опасность, мама должна знать.

– Не знаю. Все началось с того, что к нам в бар пришел один посетитель, который хамил сначала Молли, а потом мне. Он даже хотел меня ударить, но его остановил другой посетитель. В общем, я не знаю, что произошло дальше, но на следующий день к нам в колледж заявился инспектор «Гарды» и сообщил, что тот мужчина, который доставал нас с Молли, погиб. Точнее, был убит.

– О господи... – мама закрывает рот ладонью, с ужасом глядя на меня.

– Я не знаю, кто его убил и зачем, но мне кажется, тот незнакомец, который его остановил, как-то причастен к его убийству.

– Но при чем здесь ты? Почему следят за тобой?

– Мне кажется, его люди, того мужчины, который, скорее всего, и есть убийца, следили за мной все это время и вчера появились в баре...

– Нужно срочно звонить в «Гарду»! – заявляет мама, подскочив с дивана, но я хватаю ее за руку, чуть не расплескав кипяток себе на колени.

– Нельзя! «Гарда» ничего не сможет сделать с такими, как эти...

– Как это не сможет? На любую силу найдется еще большая сила! – вскипает она, явно озадаченная моим смирившимся лицом. – Чего ты сидишь? Нужно что-то делать!

– Остановись, мама! Я рассказала не для того, чтобы ты сейчас билась головой о стену. Мне нужно подумать, что с этим сделать, а пока пообещай мне успокоиться! – я взглядом даю понять, что панику нужно отключить и взглянуть на проблему трезвым, незамутненным эмоциями умом.

– И что же делать? Что мы сами сможем сделать? Может, позвонить отцу? У него же были какие-то связи в кругах... – мама резко замолкает, не окончив фразу.

– В кругах бандитов? Ты это хотела сказать? – жестко отвечаю я. Вот кто-кто, но отец – это последний человек, к которому я обращусь за помощью. Он уже не раз доказывал, что имеет удивительную способность из одной проблемы сделать десять. Потом обвинить в них же всех окружающих и уйти. А вы разбирайтесь дальше сами. Нет уж.

– Но что мы будем делать? – поникает мама, устало положив голову мне на плечо. Она, словно маленький ребенок, всегда искала защиты у кого-то. Сначала это был отец, потом эти обязанности плавно перетекли на мои плечи.

– Для начала пообещай мне не выходить без надобности на улицу и никому не открывать дверь. Совершенно никому, даже Эбигейл. Я попрошу доставлять нам продукты на дом. Скажем, что заболели вирусом.

– И сколько мы вот так будем скрываться? Ты же понимаешь, что наша изоляция не может длиться вечно? А как же колледж? – сокрушительно стонет мама.

– Я подумаю над этим. В колледже возьму больничный, – с этими словами я поднимаюсь, споласкиваю чашку и иду к себе в комнату. Закрыв за собой дверь, я опираюсь на нее и тяжело вздыхаю. Мне не хочется признаваться даже себе, но я просто убегаю от проблем. Решения их нет, и мой собранный и деловой вид – лишь прикрытие для матери. Все для того, чтобы не показывать, в каком я отчаянии.

В окне напротив серое небо грозит с минуты на минуту разразиться дождем. Настроение стремительно портится вместе с погодой. Я бесцельно осматриваю свою комнату: незаправленная кровать с клетчатым пледом, который наполовину свалился на пол. Рядом тумбочка с кучей безделушек. С левой стороны светит потертостями старое, но оттого не менее уютное кресло, в котором я провожу долгие дождливые вечера с книгой в руках. Оно служит мне уже больше десятка лет. Непривычно чистый письменный стол. На нем под настольной лампой

забытым мусором лежит несколько листов с заметками. Все, что окружало меня на протяжении всей жизни, невольно превращается в мою тюрьму.

Как долго я смогу скрываться? Пока у нас не закончатся деньги? А что потом? Мысль о работе наталкивает меня на другую. Я подбегаю к тумбочке и хватаю телефон. Увидев несколько пропущенных от одноклассников, которые не дождались меня сегодня на занятиях, я нахожу номер Молли. Раздаются длинные гудки, и, когда никто так и не берет трубку, мое сердце уходит в пятки. Что, если те мужчины вернулись в бар и убили ее?

Опустившись на кровать, я судорожно соображаю, что делать. Волнение за подругу съедает меня изнутри. А ведь она вообще ни при чем! Если с ней что-нибудь случится, то в этом буду виновата только я! Именно я привела в бар преследователей. Именно я открыла им то, что девушка мне близка!

Звонок телефона выводит меня из мыслей самобичевания. Я надеюсь, что это Молли, но на экране высвечивается неизвестный номер.

– Алло? – отвечаю дрожащим голосом.

– Мисс Рейли? – звучный бас на том конце провода заставляет застыть кровь в жилах. Я узнаю его. Это детектив.

– Вас беспокоит офицер Дэниел О`Хьюз. Помните меня?

– Да-да, конечно. Что-то произошло? – сердце выпрыгивает из груди, не позволяя собраться с мыслями.

– Да, произошло! Но не по телефону. Не могли бы вы явиться в участок? – деловым тоном интересуется мужчина.

– Извините, я неважно себя чувствую...

– Сегодня ночью погибла еще одна девушка. Как раз возле вашего бара! – грубо перебивает меня офицер. – Это могли быть вы! Или же кто-то из ваших знакомых! Насколько я знаю, вчера была именно ваша смена, так что ваша явка в участок даже не обсуждается!

– Но я...

– Не заставляйте меня делать из вас первую подозреваемую, мисс Рейли! Жду вас к трем в главном офисе на Пирс-стрит. Если вы не приедете, я вышлю за вами патруль, но и разговор будет вестись уже по-другому. До свидания.

Его голос сменяется короткими гудками, и я всхлипываю. Это не может быть Молли! Только не она! Когда моя жизнь успеет превратиться в кошмар? Все начинается с появления странного незнакомца в баре и сразу после этого несется на огромной скорости в ад!

Бросаю взгляд на часы: до трех остается всего полтора часа. Успею принять душ и переодеться. Я даже не думаю отказаться от поездки в участок, но страх сковывает все движения, делая их нервными, а меня – неповоротливой.

Я привожу себя в порядок и, объяснив маме, куда иду, выскакиваю на улицу. Накинув капюшон старой спортивной куртки на собранные в пучок волосы, я надеюсь, что стала менее узнаваемой. Только бы успеть добежать до остановки и прыгнуть в автобус, пока те двое не появились.

Либо мне удалось хорошо замаскироваться, либо преследовавшие меня мужчины не следили за мной, но я доезжаю до «Гарды» без приключений. Только потеющие ладошки, соскальзывающие с поручня, выдают мое волнение по поводу предстоящего разговора с детективом.

Что, если погибла действительно Молли? В памяти всплывают ее последние слова и волнение за меня. Она переживала, что я попала в беду, а я же привела эту беду прямо к ней. Чувство фатальности своего поступка не позволяет спокойно мыслить. Хочется кричать, что это я во всем виновата! Из-за меня она погибла! Вместо этого я молча глотаю слезы, закрывая лицо глубоким капюшоном. Около входа в участок я вытираю длинным рукавом щеки и стараюсь прийти в себя. Нельзя, чтобы детектив увидел мое состояние, тогда придется во всем сознаться. На моей совести уже будет не только смерть Молли, но и детектива, и всех, кто

эту историю услышит. Все же, кем бы ни были те мужчины, они явно влиятельнее и сильнее любого человека.

Захожу внутрь. Встретившаяся мне девушка подсказывает, как найти кабинет детектива, и я спешу к указанной двери. Заглянув внутрь, я вижу инспектора, восседающего на большом кожаном компьютерном кресле, словно на троне. Он перебирает бумаги, а когда видит меня, хмурится.

– Проходите, мисс! – тоном учителя произносит мужчина, и я проскальзываю внутрь.

– Признаться, я вас не сразу узнал. Выглядите... не очень.

– Спасибо, но я пришла не за комплиментами. – бурчу я и сажусь на предложенный инспектором стул.

– И то верно, но по внешнему виду можно много интересного сказать о человеке, – продолжает важничать мужчина.

– Вы детектив, вам виднее!

– Да, мне виднее! Например, мне видно то, что у вас проблемы. Не хотите поделиться? – серьезным тоном уточняет О`Хьюз. Он так смотрит на меня, что мне хочется тут же выложить всю правду, но я стараюсь удержаться – для его же блага.

– Мои проблемы никак не связаны с вашим расследованием. Но я очень волнуюсь. В тот вечер, когда произошло убийство, моя подруга Молли была на смене. Это ее убили? – на последнем вопросе мой голос вздрагивает.

Инспектор понимающе кивает и резюмирует:

– Теперь я понимаю, в чем причина такого внешнего вида.

Мужчина словно специально тренирует мою выдержку молчанием, но я радуюсь, что мой помятый вид он списывает на волнение за подругу. Посмотрев на него в упор, я скрещиваю руки на груди, ожидая ответа.

– Что ж, убитую звали Айлин Бирн, – офицер достает из папки фото и пододвигает ко мне. – Вы встречали ее прежде, мисс?

У меня вырывается вздох облегчения, что это оказалась не Молли. Но сразу же затапливает чувство жалости к убитой. Девушка на фото кажется совсем юной и цветущей. И от осознания того, что неизвестные выбирают именно таких людей – полных жизни, – по моей коже бегут мурашки. Я с бессильной яростью стискиваю зубы и смахиваю слезу.

– Нет, мне не знакома эта девушка. И прежде я ее не видела, но мне очень жаль...

– Ох, прекратите, мисс! Хватит играть со мной в загадки! Я же вижу, вы чего-то недоговариваете! Долго я еще буду вытягивать из вас информацию? – вскипает офицер, привставая из-за стола.

– Я же говорю вам, я не знаю эту девушку! Если это все вопросы, то я могу идти? – я подрываюсь с места и выбегаю в коридор, слыша за спиной разъяренный вопль детектива:

– Я вас не отпускал!

– Для вас же лучше, если я ничего не расскажу... – шепчу я себе под нос, запрыгивая в такси. Денег у меня в обрез и неизвестно, когда я смогу выйти на работу, если вообще смогу. Но чувство самосохранения требует жертв. В данном случае денежных.

По приезде домой я первым делом запираю входную дверь на все замки и, перепроверив их еще раз десять, забегаю в свою комнату. Скидываю мокрую кофту и смотрю в окно. Мой взгляд привлекает какое-то движение перед домом. Уже вечер. Сумрак начинает окутывать улицу, наполняя ее зловещими тенями, еще совсем недавно не казавшимися мне чем-нибудь необычным. Включаю в комнате свет, но тут же понимаю, что с той стороны стекол видна так, словно я на сцене театра. Чувство, что меня нашли, завладевает разумом, вновь возвращая безумный страх. И это оказывается не просто чувством. На другой стороне дороги под навесом лавчонки, скрытой в тени, недвижимо стоит мужчина в черном плаще и шляпе. Я подбегаю к окну и резко опускаю жалюзи, отрезая себя от его цепких глаз. Лица его я не разобрала – тень

шляпы надежно его скрыла, – но закутанный в мрачную дымку взгляд даже отсюда затягивает в воронку тьмы. Этот взгляд может принадлежать только одному человеку: тому незнакомцу, который наблюдал за мной в баре.

Глава 5

У меня начинается бессонница. Как только я закрываю глаза, то снова и снова вижу выжидающий чего-то цепкий взгляд черных глаз. Просидев до рассветных лучей, завернувшись в одеяло с головой, я все никак не могу перестать вздрагивать от каждого стука, доносящегося с улицы. Непогода бросает кусочки веток и листья в окно, а мне мерещится, что какие-то твари скребутся в стекло длинными когтями, пытаюсь добраться до меня. К семи утра удастся ненадолго задремать, но буквально сразу меня будит телефонный звонок. Не успев толком открыть глаза, я хватаю телефон.

– Аллю... – бубню сонно в трубку.

– Перси? Ты где пропала? Который день не могу до тебя дозвониться! – взволнованно спрашивает Молли.

Сон снимает как рукой, и я резко сажусь.

– Ох, это ты? Молли, что произошло?! Я тебе звонила, но ты не отвечала! Меня вызывали в участок по убийству девушки возле нашего паба. Я думала, это тебя... Я вчера звонила тебе все утро!

– И меня вызывали в участок по тому же делу, и я тоже испугалась, что убитая девушка – это ты! Видимо, когда ты звонила, я как раз была на допросе.

Я тихонько ругаюсь. Вот ведь детектив! Он специально сделал так, чтобы мы не могли не прийти в участок, подкинув нам наши же страхи!

– Что ты ему сказала? Что вообще произошло тем вечером? – допытываюсь я, радуясь, что Молли жива.

– Я не знаю! Все так странно, словно в тумане. Я помню, как ты прибежала в бар и схватила меня за руку, а потом все... не знаю, отключилось. Я пришла в себя от криков. Люди поднимались с пола, как будто разом все попадали. А тебя уже не было. Я решила, что твой приход мне померещился.

– Ты рассказала об этом детективу? О том, что видела меня? – спрашиваю я, закусывая губу. Если он узнал о моем присутствии в баре, когда я ему об этом не говорила, то у меня проблемы.

– Нет! Я же говорю, я вообще не уверена, что ты была в тот вечер в баре! Произошло что-то странное! Будто с памятью что-то...

– Я понимаю, о чем ты говоришь, Молли. Прости, у меня сейчас семейные проблемы, да и к тому же я немного приболела. Я не смогу выйти на работу.

Молли грустно вздыхает и говорит:

– Перси, ты не знаешь? Я думала, Билли тебе сообщил. Наш бар закрыли. У нас больше нет работы. Я смогла устроиться к Ребекке, она давно меня звала, но вот ты...

– Все хорошо, Молли, все хорошо! – повторяю я, нервно качая головой. – Мне пока не нужна работа. Я все равно не смогу выйти... – я запинаясь и решаю сменить тему: – Скажи, а почему бар закрыли? Что случилось? Это из-за убийства?

– Отчасти! Но мне кажется, какие-то влиятельные люди надавили на Билли. Ты же знаешь его, он ни за что не упустит возможности заработать и чихать он хотел на убийства! Так что это не «Гарда»... – задумчиво тянет Молли.

– Ты что-то об этом знаешь?

– Нет, не совсем... Но мне кажется, за мной следят.

Этих слов я боялась больше всего. Закрыв глаза, я как можно спокойнее спрашиваю:

– Почему ты так думаешь?

– Понимаешь... – начинает девушка, – с того вечера я все время слышу шаги за спиной. А еще какой-то незнакомец спрашивал о тебе.

– Как он выглядел? – слишком громко говорю я.

Молли ненадолго замолкает, а потом сокрушенно выдает:

– Прости, я не помню, Перси! Со мной что-то странное происходит! Чувство, будто я временами выпадаю из реальности. И это происходило уже не раз. Мне кажется, я схожу с ума!

– Нет, Молли, не сходишь, у меня так же...

Мне хочется ей обо всем рассказать, и, может быть, мы бы могли чем-нибудь друг другу помочь, но девушку куда-то зовут и она быстро прощается:

– Извини, Перси, мне пора идти! Я наберу позже. Выздоровливай!

– Береги себя! И не ходи ночью одна... – кричу я в трубку, слушая короткие гудки.

Прекрасно! Бросаю телефон на кровать и сваливаюсь рядом. Что ж, позвоню ей позже. Заставляю себя встать и не без дрожи в руках открываю жалюзи. Аллея у дома пуста. Если там и был мужчина из бара, то он давно ушел. Значит, меня все же искали? И, судя по всему, охота идет не за Молли. Но почему я? Если бы с ней хотели что-то сделать, то давно бы уже... Я не стала развивать эту мысль. Мне нужно было думать, как нам с мамой жить дальше.

Следующая неделя проходит для меня как в тумане. Продукты нам приносит курьер и оставляет у двери. Деньги неумолимо тают, а новых ждать пока неоткуда. Спать ночами я все так же не могу, только к страху теперь добавилось волнение за наше с мамой будущее. За своим окном я больше никого не вижу, но чувство, что меня нашли, а теперь просто играют со мной в кошки-мышки, не покидает ни на миг.

Приближается Хэллоуин. Погода налаживается и дожди ненадолго прекращаются. Усталое солнце отбрасывает блики через пожелтевшие листья и заглядывает ко мне в окно. Мне безумно хочется выйти из своего заточения и прогуляться, но я все же не рискую этого делать. Кажется, стоит мне ступить за дверь, те двое меня тут же схватят и убьют. Выпьют всю жизненную силу сами или отдадут, как они выражались, хозяину. И потом О`Хьюз будет расследовать уже мое убийство.

Я ставлю себе мысленные рамки добровольной изоляции. До первого ноября. Мне кажется, нет, я уверена, что если переживу Хэллоуин, то эти твари сами заползут туда, откуда выползли. А значит, ждать остается недолго.

Тридцатое октября я провожу в своем любимом кресле. Устраиваюсь поудобнее, обматываюсь пледом, беру «Грозовой перевал» – книгу, которую я уже месяц не могла дочитать из-за нехватки времени, – и погружаюсь в нее с головой.

Я всегда любила читать гораздо больше, чем смотреть фильмы. Хорошая книга способна перенести в собственный мир. Ведь в фильме тебе покажут дом и машину перед ним, а в книге ты увидишь слова, за которыми скрывается исключительно твоя фантазия. И вот у дома уже есть хмурый хозяин, а на этой машине он возит свою старую собаку к ветеринару.

Пару раз заглядывает мама, но, не желая меня отвлекать, уходит к себе или на кухню. Я же не замечаю, как приходит вечер. В комнате стемнело, и мне приходится включить настольную лампу. Неяркий свет отбрасывает тени на пол. Ветви за окном создают вид корявых пальцев, которые крадутся ко мне по ковру и тянутся к ногам, чтобы схватить. Я быстро вскакиваю с кресла и подбегаю к окну. Какое-то движение на пустынной аллее привлекает мое внимание, но я не хочу рассматривать ночного гостя, кем бы он ни был, и опускаю жалюзи.

Усаживаюсь обратно в кресло, но уже не могу сосредоточиться на тексте. Жутко хочется спать – сказываются бессонные ночи. Я еще раз опускаю взгляд на страницы, чтобы запомнить момент, на котором остановилась. Прочитав, как Кэтрин пришла к Хитклиффу в виде призрака, захлопываю книгу и смеживаю отяжелевшие веки. Не время сейчас о таком читать. И в тот же миг проваливаюсь в сон.

Мне снова снятся черные глаза, бездонный взгляд которых пленит и зовет за собой. Я сопротивляюсь, пробую бежать, но ноги вязнут во времени, словно я чья-то марионетка.

– Милая моя, тебе не убежать... – доносятся ласковым эхом слова со всех сторон, многократно отражаясь от стен и возвращаясь повторяющимся «не убежать», «не убежать». Но я ни на миг не останавливаюсь. Мне чудится чье-то дыхание в спину, собачий лай, звериное рычание. Из каждого темного уголка на меня смотрят горящие глаза неведомых чудовищ. И вдруг огромный трехглавый пес сваливает меня на землю, придавив большими лапами. Из его пасти капает слюна, обжигая мою кожу. В его желтом горящем взгляде я вижу желание перегрызть мне глотку. Но тут появляется тот самый незнакомец. Пес недовольно рычит, но послушно отходит от меня, освобождая путь своему хозяину. Не успеваю я встать, как мужчина срывается с места и бросается на меня, с силой прижимая к сырой земле. Его жестокое ухмыляющееся лицо оказывается напротив моего, и я замираю, охваченная настоящим ужасом. Это оказывается еще страшнее, чем трехглавый пес. Мужчина невероятно красив, но его взгляд вселяет невиданный ранее первобытный страх.словно сама смерть заглядывает в мою душу своими бездонными, полными неумолимой тьмы глазами, пронизывая насквозь и оставляя после себя неизгладимый след.

Незнакомец прикасается к моей щеке и мягко произносит:

– С праздником, дорогая...

Кричу что есть мочи и, проснувшись, сваливаюсь на пол.

Открываю глаза и понимаю, что нахожусь не в аду, а лишь на полу своей комнаты, а ноги запутались в плеле. Спина взмокла от пота. Вставая, я потираю ушибленный локоть и сокрушенно вздыхаю. Каким бы ни было удобным мое любимое кресло, все же это не место для сна. Я смотрю на книгу, которая лежит рядом, и поднимаю ее. «И не самый удачный выбор литературы перед сном», – тут же мысленно добавляю. Неудивительно, что мне мерещатся всякие...

Я хочу бросить книгу на кровать, но останавливаюсь. На покрывале уже лежит то, что никак не могло оказаться в моей комнате. Я подхожу ближе и в ужасе, чтобы не закричать, закрываю рот рукой. На постели покоится огромный букет черных тюльпанов.

– Ма-а-ам! – я выбегаю из комнаты, стараясь не поворачиваться к цветам спиной, словно это пакет со змеями. И, даже не постучав, влетаю в ее комнату. – Мам! Откуда в моей комнате цветы?

Она еще спит, но при моем появлении сонно открывает глаза и удивленно хлопает рыжеватыми ресницами.

– Перси? Что случилось?

– Откуда на моей кровати цветы? Я проснулась и увидела букет! Прямо на покрывале!

– Какой букет? Откуда?

Мама явно была не в курсе, а это могло значить только одно...

– Черные тюльпаны... Их принес он, – обреченно выдавливаю я, и в глазах темнеет от осознания, – он был в моей комнате, пока я спала.

Прихожу в себя я долго, от легких похлопываний по щекам и резко ударивших в нос паров аммиака.

– Убери это... – шепчу я пересохшими губами и привстаю.

Кажется, последние события довели меня до нервного истощения. Мама стоит на коленях возле меня и испуганно хлопает глазами. В ее руках ватка, которая ужасно противно пахнет, но маме как будто все равно. Когда она вообще успела сбегать на кухню за нашатырем?

– Что с тобой? Может, в больницу? – обеспокоенно спрашивает она.

Ох, хоть бы мой обморок не отразился на ее самочувствии. Я пытаюсь собраться и как можно бодрее отвечаю:

– Нет, просто голова закружилась. Обыкновенный обморок...

– Но ты ударила головой! – восклицает она, порываясь прикоснуться к моему лбу.

Я останавливаю ее и провожу пальцами по коже, ощущая боль от прикосновения. Надо же, действительно ударились! Пульсация в месте ушиба начинает нарастать, и заботливая мама быстренько отправляет меня в постель.

Увидев цветы в моей комнате, она хмурится, но молчит, прекрасно понимая, что разговоры на эту тему, чего доброго, доведут меня до еще одного обморока. Она укладывает меня на кровать и, подоткнув одеяло, словно маленькой девочке, молча уносит с собой букет.

Я поворачиваюсь к тумбочке и достаю из ящика маленькое зеркальце.

Ну, прекрасно! Будто бы мне мало темных кругов под глазами и безумного вида, так мой лоб теперь еще украшает огромная шишка. Зеленые глаза лихорадочно блещут, выдавая мое не совсем нормальное психическое состояние. Их цвет на фоне бледного лица становится еще ярче, чем обычно. Волосы спутались и висят растрепанным хвостом набок. Нужно привести себя в порядок, но вставать категорически не хочется. При дневном свете все ужасы ночи отступают и глаза закрываются сами собой. Пока я сплю, приходит мама, просит меня встать и поесть, но я отказываюсь, продолжая дрейфовать на волнах сна.

Будит меня звонок в дверь. Проснуться быстрее мне не помогла бы даже мамина раскаленная сковородка, опущенная на голову, но это – другое. Не надевая тапочек, я несусь к двери, боясь, что мама забудет мои наставления и откроет сама. Заглянув в глазок, я вижу привидение. Ах, там еще стоят вампир и кто-то напоминающий Франкенштейна. И все ростом мне по пояс.

Ну конечно же! Сегодня Хэллоуин! Вдохнув, открываю дверь и отсыпая детям конфет из вазочки, которую подает мама. Когда она успела подготовиться? Я вообще выпала из жизни, думая только о том, как пережить следующий день, а за ним ночь.

Закрыв за детьми дверь, поворачиваюсь к маме и говорю:

– Больше никому не открываем. Пусть думают, что нас нет дома!

– Но это же просто дети... – пытается воспротивиться мама.

– Нас. Нет. Дома! – строго отрезаю я и иду в комнату. Пусть лучше я буду плохой дочерью. Лучше плохая дочь, но живая, чем хорошая, но мертвая.

Я укладываюсь обратно в кровать, но сон не идет. Конечно, весь день отсыпалась! Не представляю, как после такого возвращаться в обычный режим. И перестанут ли мне сниться те ужасные глаза? По правде говоря, ничего ужасного в них нет. Они достаточно хороши, даже, я бы сказала, по-настоящему красивы! Но та темнота, которая словно воронкой тянет из самого нутра силы, весь свет и саму жизнь, пугает до смерти. На ум вдруг приходят слова Ницше, в которых он говорит, что если долго всматриваться в бездну, то в ответ бездна начнет всматриваться в тебя. Так вот, глаза того мужчины были бездной.

От мыслей меня отвлекает телефонный звонок. На экране высвечивается имя подруги, и я незамедлительно поднимаю трубку:

– Молли, хорошо, что ты позвонила... – начинаю я, но осекаюсь. В трубке звучат глухие рыдания и всхлипы.

– Перси! Я больше так не могу... Я хочу, чтобы ты знала: ты самый светлый человек, которого я встречала, поэтому я звоню именно тебе, чтобы попрощаться. У меня больше нет сил жить!

– Что ты такое говоришь, Молли? Ты где? – Порывы ветра бьют в динамик и заглушают рыдания подруги, но я уже одеваюсь. Теплая байка с капюшоном и собранные в хвост волосы должны были меня скрыть, если вдруг я встречу с теми двумя, которые меня преследовали; или с незнакомцем из бара. К тому же праздник выгнал на улицу толпы туристов, поэтому мне легче будет затеряться.

Подруга не отвечает. По равномерным звукам шагов я понимаю, что она куда-то идет.

– Молли, не бросай трубку! Ты где? Скажи мне, и мы поговорим! Мы все решим! – воплю я, на ходу надевая ботинки.

– На мосту Шона О`Кейси. Но не нужно приходить, ты все равно не успеешь...

В трубке звучат короткие гудки, а я уже несусь к месту, которое назвала подруга. Господи, хоть бы успеть! Нужно поймать такси! Как назло, ни одной машины рядом нет. Пришлось бежать до главной улицы и ловить попутку, но толпы людей ни капли мне в этом не помогают, перебегая дорогу и останавливая без того медленный транспорт. Наконец передо мной останавливается машина, и полная женщина открывает дверцу.

– Садись, паренек! Куда спешишь?

– Мне нужно к мосту О`Кейси! Быстрее!

Я плюхаюсь на сиденье и скидываю капюшон. Растрепанные волосы рассыпаются по моим плечам.

– О, так ты не паренек! – хохочет женщина и, услышав сигнал позади нас, спешит продолжить движение.

Всю дорогу, которая мне показалась бесконечно долгой, я считаю секунды и грызу губы. Что у нее произошло? Почему Молли решила закончить свою жизнь? Вдруг, словно кролика из шляпы, моя память достает фразу, прозвучавшую несколько дней назад: «Остановись, ты и так видишь, что ей недолго осталось!». Они тогда говорили о Молли! Неужели подруга уже тогда была на грани? И что я за человек такой светлый, если не смогла даже этого увидеть, почувствовать?

– Остановите здесь! – резко кричу я, и женщина тут же тормозит. Резина на колесах взвизгивает, но я уже несусь к мосту, не удосужившись даже расплатиться за поездку. У меня нет на это ни секунды!

Я уже вижу мост, но вдруг врезаюсь в крепкое тело мужчины. Отлетев в другую сторону тротуара, я поднимаюсь и хочу извиниться, но с ужасом застываю. Передо мной стоит и ухмыляется тот самый бритоголовый мужчина, от которого я скрываюсь вот уже больше недели. В ту же секунду возле него материализуется второй преследователь.

– А вот и наша птичка! – низко хрипит тот, что стоит ближе. – Теперь не упорхнешь!

Глава 6

Я мчусь назад, оставляя позади надежду спасти Молли. Мое сердце разрывается от боли и сожаления, что не могу ей помочь, они не дадут мне ни одного шанса это сделать, но я должна спасти хотя бы себя. Ведь от меня зависит жизнь мамы. Свернув за угол ближайшего дома, я бегу вперед, а непрошеные слезы застилают глаза. Пытаюсь бежать быстрее, но моя физическая подготовка намного уступает преследователям. Я спиной чувствую, как они наступают мне на пятки, но адреналин в крови заставляет держать скорость. Бегу по улице, расталкивая застывших людей, понимая, что теперь никто не может мне помочь. И вскоре понимаю, что сама себя загоняю в тупик. Сойдя с главной улицы, я резко торможу. Передо мной возвышается бетонная стена, отрезая меня от возможности сбежать. Понимая, что попалась, я оборачиваюсь и со страхом смотрю на мужчин. Они идут ко мне, словно псы, загнавшие кролика, предвкушая сытный ужин. Готова поспорить, один из них даже облизывается.

– Когда ты уже поймешь? От нас не убежать! – выдает тот, что пониже.

Мое сердце стучит где-то в горле, а сбившееся дыхание не позволяет вымолвить ни слова.

– Ну не молчи... Мы и так дали тебе недельную отсрочку. Хозяин хотел посмотреть на то, как ты будешь действовать.

– И что он увидел? – выдавливаю я, упираясь в стену спиной. Мой взгляд бежит от одного мужчины ко второму, стараясь уловить мельчайшие движения и не пропустить момент нападения.

– По-видимому, то, что ему понравилось, иначе он бы не отправил за тобой! – с досадой в голосе говорит один из них.

– И кто он? Ваш хозяин? – я стараюсь тянуть время. Вдруг мне все же удастся сбежать? Хоть шансов невероятно мало.

– Его имя не произносят среди людишек, если не хотят попасть к нему раньше времени. Но не переживай, скоро ты с ним познакомишься! – шепчет мужчина.

– Или мы сами решим, что с тобой делать, если вдруг ты придешься ему не по вкусу! – злорадно хмыкает другой и бросается ко мне.

Такой скорости я не видела даже у спринтеров. Еще секунду назад он стоял в нескольких метрах, а уже сейчас, крепко обхватив меня поперек тела, усмехается на ухо:

– Приятного путешествия во тьму, малышка!

Я не понимаю, о каком путешествии он говорит, но затем земля под нами разверзается и мы падаем. Я ожидаю, что сейчас попаду в самый настоящий ад или разобьюсь насмерть, настолько стремительно оказалось наше падение. Кажется, я плачу, прощаясь с жизнью. Но как только мы достигаем дна пропасти, мужчина пружинит, будто бы мы и не падали в бездну, и мягко становится на землю. Второй с глухим стуком приземляется рядом.

Это черти? Кто они вообще? Когда моя жизнь превратилась в ад? Где я допустила ошибку? Мужчины, не выразив никаких эмоций, подхватывают меня под руки и тащат вперед.

– Пожалуйста, отпустите меня! Куда вы меня тащите? – кричу я, не веря в происходящее, как и в то, что я действительно под землей! Мамочки! Мне точно снится страшный сон. Сейчас ущипну себя и проснусь. Но боль от крепкого захвата поперек ребер не позволяет усомниться в реальности ситуации.

– Не кричи! – отвечает мужчина с квадратной челюстью. Таких экземпляров можно увидеть разве что в кино про мафию. Хоть он и одет в элегантный костюм, но от него за версту несет кровью и грязью уличных воров. – Хозяин просил быть с тобой поосторожнее, и мне бы не хотелось его расстраивать! Поэтому просто заткнись, пока я не припомнил тебе тот удар подносом!

Я больно закусываю губу, стараясь не расплакаться. Мне всего лишь хотелось спасти Молли, а теперь эти уроды сделают со мной неизвестно что.! Как же мама без меня? Ведь вряд ли я смогу выбраться отсюда живой. От этих мыслей слезы брызгают из глаз, опалая холодную кожу щек.

Мужчины приволакивают меня в просторный зал с гладким утоптаным полом и каменными стенами. Бросив меня на холодную землю, они молча удаляются. Я нахожу в себе силы подняться и осмотреться, но так и не понимаю, куда делись мои похитители. Вокруг нет ничего похожего на дверь или хотя бы окно. Я оказываюсь в огромном склепе, освещенном несколькими факелами. Мебели в этом странном помещении тоже нет, только одинокий стул из кованого железа возвышается в центре зала.

Я стучу зубами, продрогнув от холода. Страх не позволяет думать ясно, грозя перейти в панику и затопить мой разум темнотой. Как такое возможно? Нет, я понимаю, что это не простые люди, но чтобы земля разверзлась прямо под моими ногами, да посреди города?

Сажусь и натягиваю на колени грязную толстовку. Капюшон давно упал на плечи, и спутанные волосы обрамляют мое лицо, создавая вид безумной ведьмы. Я не знаю, сколько времени сижу так. Все это напоминает мне пытку. Чем больше я остаюсь в неизвестности, тем больше страха испытываю, в то время как наблюдающий за мной из темноты несомненно им упивается, словно целебным эликсиром.

Не в силах больше выдерживать это состояние, я вскакиваю и кричу:

– Кто ты? Покажись! Хватить меня мучить, черт тебя возьми!

Впервые за всю жизнь я позволяю себе так грубо выразиться. Но это место странно на меня действует, каким-то образом открывая все потаенное в душе.

Меня окружает полнейшая тишина: ни ответа, ни какого-либо движения я не слышу. Но вдруг я чувствую на шее чье-то дыхание, пробирающее душу липким страхом.

– Ну здравствуйте, мисс Рейли... – шепчет незнакомец, и я резко оборачиваюсь. Передо мной стоит тот же мужчина из бара, взгляд которого еще долго преследовал меня в снах.

– Ты? Так это ты приказал меня похитить?

Смотрю в его глаза и чувствую, что тону. И в этом нет ничего романтического, о чем так любят писать в книгах. Этот взгляд буквально засасывает в воронку тьмы, из которой нет возврата.

Не без труда отвожу глаза и жду ответа. Незнакомец обходит меня по кругу, словно дикий зверь, и останавливается напротив.

– Да, дорогая, это я приказал!

Он ухмыляется и заправляет прядь моих волос за ухо. Я же отскакиваю от него, будто меня укусила ядовитая змея.

– Не смей ко мне прикасаться! Ты не имеешь никакого права!

– Ох, наивная моя девочка... Еще как имею! Ваш отец продал вас, и теперь это ваш дом. Привыкайте, ведь наверх вы больше не вернетесь. Теперь вы полностью моя, и только я буду решать, что с вами делать!

– Ты говоришь неправду! Отец не мог так поступить с единственной дочерью!

Я пытаюсь смотреть на мужчину, но не встречаться с ним взглядом. Вдруг перед глазами, словно картинка, возникает образ моего отца. Он сидит в какой-то задымленной комнате и курит. Пепел на его сигарете уже напоминает опаленный стручок фасоли – такой же длинный и изогнутый, но отец слишком озадачен своими мыслями, чтобы заметить это и стряхнуть его. Посеревший, ссутуленный, а взгляд наполнен непосильной тяжестью. Таким я его еще не видела. Но когда он проигрывал всю зарплату, не принося домой ни копейки, выражение его лица было примерно таким же. Картинка сменяется, и к отцу подходит человек в шляпе и

черном пальто. Я узнаю в нем своего похитителя. Папа не обращает на него никакого внимания, но мужчина вальяжно раскидывается на стуле напротив.

– Я могу тебе помочь, человек, – тихий уверенный голос звучит словно через толщу воды. – Кажется, у тебя неприятности.

– Чем ты мне можешь... – отец поднимает взгляд на незнакомца, и его глаза будто бы стекленеют. Он замолкает. Готова поклясться, что вижу в его взгляде настоящий испуг.

– Я могу выкупить твой долг. Но ты уже понял, что я не просто человек, который решил помочь... Я вообще не человек, и мне нужно то, что можешь дать только ты!

– Все что угодно! Только выплати долг, иначе меня убьют!

Мужчина в шляпе хмыкает. Я не вижу лица незнакомца, но уверена, что в его глазах горит огонь победы. В моем же сердце разрастается дыра.

Картинка меркнет, и я падаю на пол, задыхаясь. Меня душат слезы обиды и несправедливости. Отец продал меня, даже не поинтересовавшись, что со мной сделают. Собственная жизнь ему дороже моей, и это осознание буквально бьет под дых, заставляя хватать воздух ртом, как рыба, которую достали из воды. Мой покупатель стоит передо мной, не выражая никаких эмоций, пока я корчусь от боли у его ног.

Он молчит, а я лежу, уткнувшись носом в сырую землю. Я оплакиваю свое детство и надежду на то, что отец когда-нибудь образумится и вернется. Я плачу обо всем, чего не замечала в упор. Не хотела замечать. Папе всегда было все равно и на меня, и на маму. Он жил исключительно для себя. Заботясь только о себе. В глубине души я всегда это знала, но стоило увидеть все своими глазами, как почва уходит из-под ног.

– Вот видите! Вы, мисс Рейли, и сами знаете, что это правда! – будто услышав мои мысли, говорит мужчина.

Когда моя истерика немного утихает, я поднимаю заплаканные глаза на похитителя и с ненавистью выплевываю:

– Кто ты такой? Что тебе от меня нужно?

Я ненавижу его! Он разрушил мое детство. Он разрушил мою веру в отца и в благополучный исход. Он разрушил мою жизнь.

– Что ж, пришло время познакомиться! Я Аид. Повелитель царства мертвых!

Голос мужчины звенит такой силой и властью, что я вся сжимаюсь под его натиском, лишившись способности не то что говорить – мне даже голову поднять трудно. Меня будто придавливает бетонной плитой. Я лежу в самой унижительной позе у его ног.

– Вы здесь для того, – продолжает он безразличным тоном, – чтобы отдать свой жизненный свет и стать для меня источником энергии.

Мне кажется, ему дико наскучила моя истерика и необходимость что-то объяснять. Он выглядит богом, которому под ноги попала букашка, а он остановился, раздумывая, как лучше ее убить с большей пользой для себя.

– Но если я не хочу? Мне нужно вернуться! Пожалуйста! Отпусти меня! Хотя бы спасти подругу, я должна... – я начинаю умолять его, но он строго перебивает:

– Вы больше не вернетесь! А ваша подруга... Что ж, ей все равно не жить, так какая разница, умрет она сегодня или завтра?

– Мне есть разница! Я помогу ей, и она больше не захочет вредить себе! – я знаю, что он не уступит, но продолжаю умолять.

– Наивное дитя! Вы ничего не можете! Люди слабы и мелочны. И вы одна из них. Я вижу ваше желание помочь! Оно горит, словно рассветная Венера! Но это пройдет. Вы останетесь здесь и скоро превратитесь в не более чем оболочку, восполняя долг своего родителя!

Страшные слова срываются с его красивых губ. Но едва ли Аид осознает, какое они произвели на меня впечатление.

– Но почему я? – я обреченно выдыхаю.

Лицо мужчины приобретает задумчивое выражение. Он останавливает на мне свой тяжелый внимательный взгляд и всматривается так, будто бы впервые смог меня разглядеть.

– Вы притягательны для меня, как никто другой. Обычно люди сами выбирают свою участь – кормить нас. В обмен на прощение греха и возможность испить из реки забвения они позволяют таким, как я, питаться их жизненным светом, пока не превратятся в тень. Но вы, мисс Рейли...

– Я же не виновата ни в чем! Разве это справедливо?

– Дети всегда платят по счетам своих родителей. Но я бы не принял такую плату от него. Справедливее было бы забрать его, твоего отца.

Мужчина говорит честно и откровенно. Я не ожидаю от него такого. Мне кажется, он должен врать и юлить, как все подземные твари, о которых я слышала. Аид присаживается рядом и берет мой подбородок в длинные холодные пальцы. Наши взгляды встречаются, и он шепчет:

– Неужели бы вы позволили своему отцу погибнуть здесь? – спрашивает мужчина с едва заметным разочарованием в голосе.

– Нет! – ни на миг не задумываясь, отвечаю я.

– Поэтому вы здесь! – усмехается он. – Ваше бескорыстие и желание всех спасти – это то, что отличает вас от остальных. Ваш свет. Ярче я еще не встречал. Представляю, какой он на вкус...

Аид всматривается в мои глаза, и я понимаю, что мне конец. Если не сейчас, то очень скоро. Но как только я чувствую, что снова тону в темноте его глаз, мужчина отпускает меня, отходит и отворачивается.

– Как долго мне осталось жить? – шепчу я, даже не пытаюсь встать. Меня окутывает холодом и начинает бить дрожь.

– Как правило, люди здесь могут жить несколько месяцев. В зависимости от того, как часто они кормят темных. Но ты должна гордиться! Твоя смерть послужит высшим целям.

– Вы простые убийцы. Ничем не отличающиеся от таких ненавистных тобою людей, – говорю я и тут же жалею о своей несдержанности. Я не хотела злить его. Он и так пугал до ужаса. Но как он может называть нас ничтожными, когда сам едва ли лучше?

Мужчина вмиг оборачивается и больно хватает меня за плечи:

– Не смейте перечить богу! Вы, мисс, просто человек! Вы – не более чем пища на крупицу времени. Для меня ваша вечность исчисляется секундами! И умрете быстрее, чем я успею осознать! Для меня вся ваша жизнь – мгновение!

– Так убей меня прямо сейчас... Выпей, как ты это сделал с другими, и все. Зачем растягивать мои мучения? – шепчу я потупившись. Я не хочу разозлить его еще больше. Тогда, может быть, он не станет меня мучить, заставляя жить в этом ужасном месте. И мне все-таки не придется каждый день смотреть в его глаза, раз за разом теряя частичку себя.

– Мы не убиваем людей! – рычит Аид. – Только тех, кто на это согласен, взамен на глоток забвения. Я вам уже говорил!

– Но нескольких людей ты точно убил! Когда я была еще на земле. Тот парень из паба, который мне хамил. И девушка! Чем ты отличаешься от простого убийцы? Они же не давали своего согласия! Они сопротивлялись!

Стиснув зубы, зло гляжу на мужчину. О том, что убитые сопротивлялись, я знаю со слов детектива. Так что Аид либо врет, либо недоговаривает правила. И, может, благодаря этому у меня получится найти лазейку...

– Я не убивал никого! Тот представитель человеческой расы, который посмел поднять на вас руку, заслужил встречи с моими людьми, но я не приказывал его убивать!

Я могла поклясться, что в голосе мужчины проскальзывает замешательство.

– Но это правда! Ты же можешь посмотреть! – продолжаю глупо настаивать.

Аид отпускает меня и медленно встает.

– Я решу, что мне делать с этой информацией. Ирида! – кричит он в пустоту.

Тут же, словно всегда была здесь, к нам ступает невероятной красоты женщина. У нее радужные крылья и волосы, отливающие золотом. В одной руке она держит кувшин, а другую протягивает мне.

– Пошли, я проведу тебя, – говорит она.

– Куда?

Я смотрю на ожившее чудо, не отводя глаз. Женщина по-доброму улыбается, но молчит. За нее отвечает Аид:

– Туда, где вы будете жить, пока не превратитесь в тень.

Глава 7

Ирида идет впереди, освещая каменные стены разноцветным сиянием своих крыльев. Она так неуместно здесь смотрится, будто радуга вдруг решила посетить логово вампиров. Я вообще не могу представить, что такая, как она, может делать в подземном царстве рядом с самым темным из богов! Белое одеяние свободными волнами падает к босым ногам и опоясано на талии золотым ободком. Яркие волосы тоже как будто светятся, а плавная поступь выдает в ней божественное начало.

Мы долго поднимаемся по сырým ступеням, но солнечного света я так и не вижу. Ни единого окна, через которое можно было бы догадаться о том, что происходит во внешнем мире. О том, куда я все же попала и есть ли отсюда выход. И если внизу путь освещают огненные чаши, расставленные по углам, а весь интерьер выполнен в мрачных могильных тонах, то чем выше мы понимаемся, тем благороднее становится убранство коридоров. Настенные свечи роняют тающий воск на железные кованые подсвечники, деревянные блестящие ступени отливают кроваво-коричневым светом, который тут же впитывается в темноту.

Женщина шагает настолько тихо, что если закрыть глаза, то кажется, что я здесь одна. Я стараюсь не думать сейчас ни о чем. Осознание слов Аида дается мне слишком болезненно. Предательство отца отравляет душу, будто бы это произошло не в очередной раз, а впервые.

Поверить в то, что где-то есть подземное царство во главе с темным князем? Еще вчера я бы засмеялась шутнику в лицо, а сейчас я просто пытаюсь не впасть в истерику. Мое состояние приближается к кататонии. Это странное место пугает меня до смерти. Я боюсь моргнуть и упустить из виду Ириду. Окажись я здесь совершенно одна, я бы потеряла сознание от страха. Мне кажется, что я даже слышу шипение и стоны страданий из самих стен. Быть может, мое воображение играет со мной злую шутку, но я не могу взять себя в руки. Бесконечные лестницы и коридоры, которыми я молча следую за женщиной-радугой, кажется, не закончатся никогда. Мечтаю поскорее оказаться там, куда меня ведут, и просто уснуть. Я надеюсь, что если не умру до завтра, то после станет немного легче, а пока мой мозг нуждается в отдыхе.

Ирида доводит меня до больших дверей и, толкнув их, плавно машет рукой:

– Мы в башне западного крыла. Это самая высокая точка замка тьмы и самая дальняя от выхода. Теперь это твои покои. Располагайся. Ключи от этих дверей есть только у повелителя и его приближенных. Не надейся, что сможешь сбежать. Я не хочу, чтобы ты страдала, но можешь мне поверить: в этих коридорах тебя может поджидать то, с чем ты не захочешь встречаться. И эти существа даже на миг не задумаются перед тем, как обойтись с тобой по нашим законам. Не рассчитывай на их благородство. Только хозяин способен тебя защитить, и пока ты ему нужна – ты в безопасности. Поверь мне, тебе не стоит играть с его добротой и милосердием.

Ирида говорит, словно добрая учительница, но слова ее жестоки. Хочу ответить, что их хозяин далек от доброты, как я от неба, но молчу. Я привыкла держать язык за зубами, никак не выражая свое отношение к чему бы то ни было. Как правило, так мне доставалось меньше хлопот. Да и к тому же я не умела отстаивать свою точку зрения. Каждый раз, когда дело доходило до спора, я ощущала себя посмешищем и не могла связать и двух слов. Зачастую чувства, бушующие внутри, затмевают здравый рассудок, отчего вместо поиска способа решения конфликта я говорю то, о чем впоследствии очень долго жалею.

Ирида какое-то время изучающе смотрит на меня, оценивая внешний вид, затем добавляет:

– Завтра у тебя будет все, что пожелаешь. Ты должна поддерживать в себе жизнь как можно дольше ради блага нашего хозяина, а значит, любые твои желания будут тут же исполняться. Так ты будешь более... полезна для повелителя.

Я задумываюсь о том, чего не сказала женщина. Она явно не мою полезность имела в виду. Скорее уж здесь подошло бы слово «вкусная». Да, если человек счастлив, то и энергию излучает соответствующую.

– Ты придешь завтра? – с надеждой в голосе спрашиваю женщину. Пока что я не встретила еще более благодушно настроенного ко мне существа, которое к тому же не желало меня убить. И мне не хотелось лишаться этого призрачного ощущения защиты.

– Нет, я здесь только для того, чтобы провожать кормящих душ. Мне не место в этом мире.

Она разворачивается и тут же исчезает в темноте прохода, а я обреченно шепчу ей вслед:

– Как будто мне здесь место...

Глубоко вдохнув, я иду по коридору. Настенные свечи отбрасывают свет на небольшие участки холла. Я вижу несколько одинаковых дверей и поочередно начинаю заглядывать в комнаты. Света свечей едва хватает, чтобы понять: открытая мною комната – не спальня. За следующей дверью я также не вижу ничего полезного. И лишь после третьей попытки нахожу то, что искала. По крайней мере, в комнате есть кровать.

Я захожу и, прикрыв за собой дверь, оглядываюсь. Тут же, словно почувствовав мое присутствие, на стенах вспыхивают свечи. Свет от них прыгающими бликами падает на кровать с темно-красным бархатным пологом, на такие же алые стены и оседает на полу, застеленном голубым ковром. По нему расползаются розы, чем-то напоминающие пятна крови. Тут же я вижу окно и незамедлительно бросаюсь к нему. За стеклом темно, но я понимаю, что нахожусь очень высоко: кроме тумана над землей и бордового неба с частыми всполохами не то молний, не то россыпи каких-то искр, я ничего не вижу.

Мне кажется, я сама нахожусь в небе, и до меня вот-вот дотянутся те пронизывающие черные вспышки, которые скрюченными пальцами перебирают алые облака. Попятившись, медленно ухожу вглубь комнаты. Что ж, если я попала в замок через вход, который располагается в самом низу, то вполне разумно оставить меня в самой высокой точке. Ведь чтобы сбежать отсюда, мне потребуется пройти весь тот путь, который я проделала с Иридой. И кто знает, может, она говорила правду и в этих коридорах живут существа страшнее Аида. Но разве такое возможно?

Я скидываю грязные ботинки и валюсь на кровать. Перед глазами тут же предстает заплаканное лицо мамы, которая уже скоро поймет, что ее дочь бесследно пропала. Слезы горячими ручейками текут по щекам, но я не издаю ни звука. Завтра я придумаю, что мне делать. Я обязательно отсюда сбегаю. Что бы ни говорил Аид, никто не имеет права насильно держать меня здесь.

Просьпаюсь уже не в темноте, но и утром ту серую дымку, которая окружает меня, тоже не назвать. От сна в неудобном положении затекли конечности. Я медленно встаю и потягиваюсь. В голове немного проясняется, но чувство безумной тревоги за маму и Молли съедает заживо. Я ощущаю острую необходимость найти отсюда выход.

Еще раз выглянув в окно, ожидая увидеть все тот же туман и красное небо, я от удивления открываю рот. Только теперь я могу оценить, насколько высоко нахожусь. Если бы внизу был человек, то он бы был не больше спичечной головки. Решеток на окнах нет, а это значит только одно: либо никто не верит, что я могу сброситься, либо простые законы смерти здесь не работают.

Перед моим окном, сколько мне хватает зрения, раскидываются поля и равнины, холмы и леса. Все это окутывает розовая дымка негустого тумана. Темная река несет свои воды по левую руку от замка, огибая ландшафты невероятной красоты. Я засматриваюсь вдаль. Плохие мысли уносит из головы вместе с легким дуновением ветерка, забравшегося в окно. Я начинаю ощущать дребезжащее чувство свободы и счастья, глядя туда, и вдруг ловлю себя на мысли, что если бы мне разрешили сделать хоть шаг на те земли, то я бы не захотела возвращаться

домой. Это место странным образом влияет на мое восприятие действительности. Я чувствую неправильность всего происходящего, но в то же время ощущаю свою причастность к этому миру. Но каким образом? Я же просто человек...

Мои размышления прерывает стук в дверь. Я сжимаюсь, ожидая увидеть Аида. Меня до ужаса пугает то, что нужно будет кормить это существо, отдавая свою жизненную силу. Но на пороге показывается еще одна женщина. Нет, это не Ирида. Если бы можно было представить более непохожую на нее богиню, то это была бы моя сегодняшняя гостья. Высокая женщина с бесстрастным взглядом проходит внутрь и останавливается в метре от меня. На ее темных, словно вороново крыло, волосах виднеется венец с острыми шипами. Темно-бордовое платье с оголенных белоснежных плеч ниспадает до самого пола. В руках незнакомка держит факел, который освещает мою комнату яркими всполохами. Блики от него отражаются в ее темно-синих глазах зловещим огнем.

Я отхожу на пару шагов и упираюсь в стену. Сердце колотится в ребра, грозя их сломать изнутри. Я проглатываю вязкую слюну и шепчу:

– Кто ты? Ты пришла меня убить? – мне вдруг вспоминаются слова Ириды о тех тварях, встреча с которыми сулит мне неминуемую гибель.

– Нет, я пришла по велению Аида, – тонкий, но звучный голос выдает в своей хозяйке немалую внутреннюю силу. – Меня зовут Геката. Я богиня лунного света и магии. Именно мне поручено помочь тебе устроиться в царстве мертвых. Как тебе спалось? Кошмары не мучили, надеюсь? – спрашивает она, будто бы мы с ней давние знакомые или подруги, совершенно не обращая внимания на мое полуобморочное состояние.

– Нет! Мне не снились сны... – шепчу я, прикладывая огромные усилия, чтобы взять себя в руки.

Богиня подходит к окну и всматривается вдаль.

– Ах, вид на Елисейские поля. Ох и Аид. Поймал птичку, посадил в клетку и всячески ее маринует. Что ж... – она оборачивается ко мне и насмешливо тянет: – Прекращай дрожать! Я не верю, что повелитель мог выбрать настолько трусливую особу. Ты же его чем-то привлекла, раз уж он захотел тебя выдернуть из человеческого мира. А значит, явно не за трясущиеся коленки. В тебе, должно быть, скрыта немалая сила. Загляни в себя, Персефона.

Ее голос обволакивает спокойствием и возвращает мое сознание в относительно нормальное состояние. Что значит «заглянуть в себя», я не знаю, но страх практически проходит.

Богиня кивает, довольная эффектом своей речи, и добавляет:

– Сегодня ты впервые посетишь нашего хозяина. Я здесь, чтобы объяснить тебе, что ты должна будешь делать. Присядь. Тебе рассказали, в чем твое предназначение здесь?

Я присаживаюсь на краешек кровати и спрашиваю:

– Разве я не должна просто отдавать свою жизнь ему? – язык не поворачивается назвать по имени своего похитителя, которого я ненавижу с каждой минутой все сильнее.

– Да, верно. Но ты знаешь, как это происходит? – лукавых огоньков в глазах Гекаты становится больше.

Я качаю головой.

– Лучше всего пить энергию через физический контакт. И чем ближе контакт – тем больше энергии можно выпить, – взгляд ее рассеивается, и она облизывается. Но спустя мгновение приходит в себя. – Но повелитель вряд ли решит осушить тебя до дна. Раз уж ты здесь, он постарается сделать это медленно, растягивая удовольствие.

– Зачем ему это? Почему не сделать это сразу? – пишу я, чувствуя головокружение.

Спрашивать о том самом физическом контакте мне ужасно не хочется. Скажи она что-то постыдное, такое, чего у меня еще не было, я бы упала на пол и билась в истерике до тех пор, пока сама не испустила бы дух прямо тут.

– Ты не знаешь темных. Мы привыкаем к одному источнику, с каждым разом различая все больше ноток вкуса. Момент, когда человек превращается в тень – последняя капля жизни, – как правило, звучит самым ярким аккордом. Но для того чтобы ощутить его, нужно испытать всю гамму чувств этого человека.

– Когда ты меня к нему отведешь? Сейчас? – перевожу я тему в надежде, что у меня еще есть время.

– Нет, Перси! Ни в коем случае! Ты себя видела в зеркало? Разве это вежливо – появляться в таком виде перед повелителем? – возмущается Геката.

– Ну да, мы тоже моем фрукты перед употреблением.

– Что? – Геката непонимающе хмурится.

Я молча качаю головой.

– Что ж, тогда пошли! – радостно восклицает женщина и тянет меня из комнаты. Она приводит меня в большую комнату, отделанную голубым мрамором. Там нас ждут три девушки. Сначала мне кажется, что это такие же, как я, люди, попавшие сюда для того, чтобы питать темных, но, подойдя ближе, я начинаю сомневаться. У незнакомок странного зеленоватого оттенка волосы и глуповатые выражения на лицах. Не успеваю я спросить, кто же это такие, как слышу слова Гекаты:

– Это Нимфы: Лори, Минту и Гелея. Они помогут тебе привести себя в подобающий вид. Ну а я, пожалуй, вернусь позже, – с этими словами Геката растворяется в откуда ни возьмись возникшем черном тумане, а я обреченно оборачиваюсь к девушкам.

Практически до вечера меня намаывают, натирают маслами и плетут из волос дивные косы. Я пытаюсь поговорить с нимфами, но они лишь глупо хихикают в ответ на мои вопросы. Геката возвращается, как и обещала, к вечеру.

Удовлетворенно рассмотрев меня со всех сторон, она улыбается, словно сытая кошка.

– Ты прекрасно выглядишь, Перси! Хозяин будет доволен. Пойдем!

Длинное лиловое платье нежно шелестит, поглаживая шелком мои голые ноги. Обувки мне не дали, но отполированная лестница приятно холодит ступни. Волосы мне собрали в замысловатую прическу, расплести которую самой у меня, кажется, никогда не получится. Я впервые выгляжу настолько привлекательно, и от этого мне становится неудобно. Всю жизнь я пряталась за широкими безликими свитерами и джинсами, а теперь все мои изгибы слишком вызывающе подчеркнуты тонкой тканью открытого платья.

– Это больно? – спрашиваю я, когда мы идем по темным коридорам в другое крыло.

– Нет, глупышка! Это приятно! В момент... соприкосновения люди чувствуют небывалое счастье. Ты еще сама будешь просить отвести тебя к Аиду...

– Что ты такое говоришь? Вы же убиваете! Как это может быть приятно? Я видела, что происходит с теми людьми, энергию которых недавно пили. Они превращаются в стариков!

Геката, ни на миг не замешкавшись, лениво отвечает:

– Да, есть в этом маленький недостаток. Но не беспокойся. Ты не успеешь заметить, как из тебя уходит жизнь. Это великая честь – быть испытанной самим повелителем.

– Да вы все здесь ненормальные... – с ледяным укором цежу сквозь зубы. Но Геката лишь беззаботно улыбается одним уголком губ и открывает дверь, возле которой мы остановились.

– Удачи, птичка! – тонким голоском поет она, подталкивает меня внутрь и закрывает за мной дверь.

Я чувствую, будто меня запустили в клетку со львом и сказали, что мне нужно всего лишь его покормить, но при этом не погибнуть. Что ж, если я хочу выбраться отсюда, мне нужно очень постараться сделать для этого все, что в моих силах.

Глава 8

В комнате темно и тихо. Я замираю у самого входа и осматриваюсь. Прыгающие блики от огня, находящегося где-то в глубине комнаты, рассеивают мрак. Я останавливаюсь, не в силах сделать ни шагу.

– Проходите, мисс, не стойте на пороге... – мягкий баритон окутывает меня приятным, неизвестным раньше томлением.

Это то, о чем говорила Геката? Невероятное притяжение темных, из-за которого я сама захочу отдать им все? Нет, я не поддамся! Ему придется смотреть в мои глаза, полные ненависти, когда он будет пить мою энергию. Надеюсь, ему не понравится.

Шагаю вглубь комнаты и вижу высокую спинку кресла, как в старых тавернах. Она полностью скрывает хозяина, и только рука, небрежно откиннутая на подлокотник, играет с ремешком какого-то украшения. Подойдя ближе, я замечаю, что это часы.

– Вы опоздали! – выдает мужчина, немного поворачивая лицо в мою сторону. – Люди должны более внимательно относиться к отмеренному им времени. Ведь вся человеческая жизнь, по сути, – одно мгновение.

– Я не знала времени, здесь нет часов... – говорю я, подходя ближе.

– А разве вы не почувствовали? – спрашивает он с едва уловимым удивлением в голосе, все так же глядя на огонь в камине. Это единственный источник света, и красные всполохи отражаются в колдовских глазах мужчины.

– Я не понимаю, что мне нужно было почувствовать?

– Прислушайтесь к себе, – советует Аид и подбрасывает часы. Они тут же исчезают, оставляя после себя странное мерцание в воздухе.

Я следую подсказке мужчины и понимаю, о чем он говорит. Все время, пока меня готовили, я чувствовала, будто опаздываю. Я не знала времени, не знала, когда меня ждут, доверив все сборы Гекате и тем нимфам. Но лично мои внутренние, биологические часы били полночь уже давно. Этот замок и эти земли обострили все мои чувства.

Теперь я ощущаю... Стоит мне закрыть глаза, и я могу с точностью до секунды назвать время.

– Я поняла тебя, – шепчу так тихо, что сама себя почти не слышу. Мне все так же страшно, но к этому прибавляется еще и злость.

– Как устроились, мисс Рейли? – спрашивает Аид будничным тоном, как будто мы на светском рауте, а не в самой преисподней.

Я переступаю с ноги на ногу и обхватываю руками голые плечи.

– Как будто есть какая-то разница! – шиплю, прежде чем успеваю подумать. Мне не хочется раззадоривать тигра, но и молчать не получается. Это место вытягивает все, что пытаешься скрыть. Даже от себя.

– Вам не стоит со мной так разговаривать... – глухо рычит мужчина и вмиг оказывается возле меня. Он хватается пальцами мою шею и несильно, но довольно ощутимо сжимает.

– О, ну так убей меня прямо сейчас! Чего ждешь? – хриплю я.

– Нет, мисс Рейли, вы же этого не хотите! – насмешливо тянет Аид.

– Вы ничего обо мне не знаете! Может, я хочу умереть? – выплевываю едкие слова, но взгляд Аида опускается на свою руку. Я сама не заметила, как крепко вцепилась в нее ногтями, желая оторвать ее от своей шеи.

– Вы, люди, всегда любили высокопарные речи, но, когда доходит до смерти, вы деретесь хуже чертей и визжите как свиньи!

Он отпускает меня и отворачивается. Я растираю шею и смотрю на его спину исподлобья.

В Аиде есть нечто такое, что недоступно простым людям. В темном омуте, скрытом за дорогой одеждой и хорошими манерами, живет нечто, до сих пор не показавшее в полной мере свои клыки. Я не хотела бы когда-либо увидеть эту тварь, рычание которой я сейчас слышала в голосе Аида. Меня вполне устраивало, что оно не стремится наружу, и я не хотела его дразнить.

– Все хорошо! – я стараюсь не делать бурю в стакане. – Ирида отвела меня в башню, а Геката собрала к сегодняшнему... визиту. Мне понравился вид из окна... – зачем-то добавляю и закрываю рот.

– До вас там никто не жил. Вид на Елисейские поля – это привилегия, которой не каждый достоин. Но постарайтесь не смотреть туда не слишком часто, иначе вам захочется покинуть замок быстрее положенного. А мне бы этого не хотелось, – отвечает Аид, немного успокоившись.

Естественно, ему бы этого не хотелось. Чем больше энергии из меня можно высосать, тем лучше. Кому ж охота отпускать птичку в рай.

Мужчина отходит на пару шагов и поворачивается ко мне. Только сейчас я полностью вижу, во что он одет. На нем черные брюки и белая рубашка, рукава которой закатаны по локти, оголяя тонкие, но крепкие запястья. Он складывает руки на груди и подходит вплотную ко мне. Я поднимаю глаза и смотрю прямо на него. Молчание длится всего несколько минут, но за это время я успеваю хорошо рассмотреть Аида. Он, заметив мой интерес, не мешает мне и молча наблюдает за реакцией. А может, сам о том же думает.

Меня злит то, что я нахожу его красивым. Черные волосы зачесаны назад и собраны в короткий хвост, несколько темных прядей выбились из пучка и свисают по обе стороны бледного лица. Тонкий нос и широкие брови вразлет подсказывают мне, что передо мной очень жесткий, нетерпимый мужчина. Чувственные губы с чуть более пухлой нижней немного смягчают образ. Меня привлекает небольшая аккуратная щетина, которую хочется ощутить под пальцами.

Я сжимаю кулаки, чтобы не дать волю своему любопытству. Но самое притягательное – это глаза. С этого расстояния я вижу, что они не черные, как казалось раньше. Как я вообще могла так подумать? Они серые, как сталь, но из-за тьмы, которая окружает радужку, выглядят гораздо мрачнее. Но взгляд его по-прежнему пугает до смерти. Теперь я понимаю почему. Ведь этот мужчина и есть сама смерть.

– Вы очень красивы... – произносит Аид, и я вновь ощущаю, как меня обволакивают низкие, но мягкие и тягучие нотки его голоса.

Пытаюсь отстраниться. Кажется, не только я предавалась любопытству. Аид тоже внимательно изучал мою внешность.

– Красивых приятнее пить? – грубо задаю я вопрос, уже даже не пытаясь сдерживать свое отношение. Все равно ничего не выходит. Все равно он рано или поздно меня убьет, так ради чего молчать? Моя обычная тактика в сложных ситуациях здесь не сработает. Я точно знаю, что умру. Умру от рук этого...

Аид наступает на меня, грозно глядя из-под густых бровей, внутри все сжимается, и я делаю шаг назад.

– Приятнее пить счастливых! – шипит мужчина. – Добрых и солнечных! Искренних и тех, кого не мучает совесть!

Аид практически нависает надо мной всей своей яростной мощью.

– А вас самих совесть не мучает? Вы убиваете невинных! – отступаю еще на шаг.

– Никогда. Мы всегда даем выбор! Невинных людей среди них нет! – шаг на меня, и я упираюсь в стену.

– Но мне вы не дали выбора! – выкрикиваю я, отчаянно вжимаюсь в стену и понимаю, что дальше отступать некуда.

Аид опирается на стену. Расположив ладони по обе стороны от моего лица, он словно запирает меня в клетку, и прищуривается:

– Вы слишком молоды и слишком наивны, мисс Рейли! Знаете, сколько я праведных здесь встречал? Сколько благочестивых прошло через мой суд? Я видел, как они молились и носили кресты. Отдавали все на благотворительность и вели аскетический образ жизни. Они искренне считали, что таким суд не нужен, они достойны Элизиума. Но я видел их прогнившее нутро. Открывая карты их судеб, я знал, что увижу там, и никогда не ошибался. И знаете, где они теперь?

Последние слова Аид прошипел мне в губы. У меня не было возможности ответить, и я лишь покачала головой.

– Все они отправились в Тартарары! Вот так я с ними обхожусь! Когда-то самые святые на Земле сейчас кормят своими скелетами из шкафа пятидесятиглавую Гидру, и еды ей хватит на несколько столетий. Можете мне поверить. Так кого вы защищаете?

– Я лишь хочу справедливости! – вздергиваю нос.

Это оказывается моей ошибкой. Наши губы соприкасаются, и я лечу в бездну.

Вам знакомо то чувство, когда летишь вниз, воздух забивает ноздри и дышать становится практически невозможно? Я ощущаю именно это. Сейчас, целуя Аида, я понимаю то, о чем говорила Геката. Я с бешеной скоростью несусь в бездну, зная, что вот-вот разобьюсь. Но меня охватывает не страх, а восторг. И боюсь я только одного: что никогда больше не испытаю такого всеобъемлющего чувства. Я буквально ощущаю, как каждая клеточка моего тела теряет силу. Как радость и счастье уходит из меня, но пустота тут же заполняется чем-то иным, темным. И это меня ни капли не пугает, наоборот – я наконец-то чувствую себя живой как никогда. Словно прохладный ветерок дует на раскаленную солнцем кожу. Словно насыщенный день сменяется нежностью и спокойствием сиреновой ночи. Я парю в невесомости.

Аид разрывает поцелуй и зовет кого-то, но я не в состоянии мыслить. Сейчас я – это он. Мне хочется еще и еще, я тянусь к его губам, но мужчина меня останавливает.

– Аид, пожалуйста... – шепчу я слова, едва ли понимая, что они означают.

– Не думал, что все так выйдет... Отдохни, Перси... – доносится его шепот будто бы откуда-то издалека. До меня не сразу доходит, что он впервые назвал меня по имени.

Мне становится жарко. И следом сразу холодно. Я должна была упасть, но понимаю, что он держит меня на руках. Нежно гладит по волосам. Это так на него не похоже. Но почему он не хочет испытать до дна? Я же чувствую, что ему, как и мне, это необходимо.

– Ирида, скорее! – рычит Аид, и я проваливаюсь в небытие, напоследок выхватывая помутневшим зрением радужные блики на стенах.

Прихожу в себя я долго и мучительно. То и дело выныривая из сна, прошу согреть меня. Укутываюсь в несколько одеял, но это не помогает. Я как будто превращаюсь в айсберг и тону в арктических водах. До этого я не осознавала, насколько сильно ненавижу холод. Он разрывает меня на части, и я молю сделать хоть что-нибудь, но с этим мне приходится справляться в одиночку. Моментами мне хочется поджечь себя, лишь бы ощутить хоть каплю тепла. Я падаю куском льда в пропасть забвения, снова и снова разлетаясь на тысячу мелких осколков.

Наконец-то мое тело начинает оттаивать. Я не знаю, сколько времени прошло, но я наконец-то могу открыть глаза и не потерять сознание в ту же секунду. Возле меня никого нет. Приподнимаюсь и откидываю три толстых одеяла. Готова поклясться, что мое тело обуглилось, но, осмотрев себя, вижу, что кожа выглядит розовой и сияющей, какой никогда раньше не была. Подавляю вдох и слышу едва ощутимое потрескивание воздуха. Устремляю взгляд в направлении звука, и в тот же миг на том месте появляется Геката.

– К чему был прошлый визит через дверь, если ты можешь появиться из ниоткуда? – хриплю я и устало падаю обратно на кровать.

– Повелитель позволил мне материализоваться прямо сюда, пока я буду за тобой ухаживать, – спокойно выдает девушка и подходит ко мне. – Как ты себя чувствуешь? Тебе легче? – интересуется Геката и присаживается на кровать рядом со мной.

– Что со мной случилось? – задаю я встречный вопрос, на который знаю ответ. Это все он! Их чертов повелитель! Он чуть не убил меня, а я и рада! Готова была сама падать ему в ноги, лишь бы он забрал все.

– Соединение с темной энергией... – говорит Геката. А видя мое непонимание, добавляет: – Можешь называть это алхимией, если тебе будет проще воспринимать в таком виде. Потому как человеческими словами тебе никто не сможет достоверно объяснить весь процесс взаимообмена света и тьмы.

– Так будет всегда? – спрашиваю, точно зная, что девушка поймет, что я имею в виду.

Но она лишь смеется, будто я сказала что-то смешное, и говорит:

– Нет, глупышка! Так бывает только в первый раз. По крайней мере, тебе больше не будет холодно. Теперь ты часть этого мира.

Геката начинает петь о прекрасном подземном царстве, но меня все больше бросает в дрожь. Я не хочу быть частью этого мира! Я хочу домой! Моя жизнь там! Возле мамы и друзей!

– Что будет дальше? – интересуюсь я, пряча дрожащие руки под одеяло.

– Тебе будет все так же хорошо после каждого кормления. Ты будешь все так же терять сознание, но раз за разом забытие будет длиться все дольше и дольше, пока однажды ты не превратишься в тень.

Жестокие слова, сказанные радостным голосом, еще раз подтверждают, что я должна бежать. И как можно скорее. Аид не станет медлить. Однажды он не остановится, когда я попрошу его выпить меня до дна, и для меня все будет кончено. Я должна вернуться к маме. Без меня она не сможет.

– Когда следующее кормление? – спрашиваю я.

Геката усмехается:

– Не терпится снова оказаться в руках повелителя? Понимаю... Но лучше называй это алхимией, так будет приятнее и тебе, и нам.

Да уж, главное, чтобы было приятно. Я не хочу разубеждать ее в догадках и вымученно улыбаюсь в ответ.

– Как придешь в себя. А пока набирайся сил. Думаю, через несколько дней хозяин пошлет за тобой.

– Мужчины тоже целуют других мужчин, чтобы испить их жизнь? – выдаю вопрос, глядя в упор на Гекату. И откуда у меня только взялась смелость?

– Нет, только мужская и женская энергии могут сливаться во взаимный энергообмен. Ты же не думала, что только ты отдаешь? Аид поделился с тобой тьмой, восполняя твой утраченный свет. Просто люди не могут выносить этого долго. Ваше тело разрушается, полностью превращаясь в тень.

– Я почувствовала его тьму. Но что насчет тех парней, которых отправили за мной?

– А что с ними? – удивилась Геката.

– Они забрали жизненные силы как минимум у двоих мужчин и девушки, – рассказываю я, чувствуя, что нащупала что-то важное.

Геката улыбается, но в глазах проблескивает настороженность.

– Хозяин не разрешает нам питаться на земле. Особенно если это люди того же пола. Это неминуемо приведет к смерти. Смеею предположить, что те мужчины не выжили.

– Так и есть, но я хотела спросить...

– На сегодня достаточно вопросов! – перебивает меня она и спешно уходит, снова воспользовавшись дверью.

Надо же, она чем-то озадачена? Или те двое действительно сделали что-то непростительное? Значит, Аид не врал и они и правда не убивают? Это мои похитители решили просто развлечься?

После ее ухода на тумбочке появляется горячий обед, но я не спешу к нему притрагиваться. Хочется заморить себя голодом. Хочется не видеть никогда Аида и Гекату. Но я не могу себе этого позволить. Мне нужны силы, а значит, я должна есть. И как только я почувствую, что пришла в себя, – смогу сбежать отсюда.

Я хватаю поднос, заботливо оставленный Гекатой, и набрасываюсь на пищу. Еще никогда еда не была для меня настолько вкусной. Как будто я голодала несколько дней, а то и недель, что, возможно, было недалеко от правды. Мое внутреннее ощущение времени говорит, что я права. Пока желудок принимает пищу, голова непрестанно думает обо всем, что произошло. Меня удивляет изменчивость Гекаты. В прошлый ее визит она показалась мне серьезной и не склонной к легкому общению. В ее словах были насмешка, ирония, но никак не озорство. Сейчас я увидела совсем другую девушку. Если б я не знала, что это точно она, то подумала бы, что передо мной другое божество. Чуть позже я пойму, почему она такая разная, а пока я могу думать только об одном: как сбежать из этого проклятого мира.

В голове кружатся странные мысли: я еще ни разу не слышала о том, чтобы кто-то вернулся из царства мертвых в мир живых. Хотя, может, если сюда попадают по доброй воле, то и сбежать нет смысла? Или же выхода из этого замка в принципе не существует? Но я все же решаю попробовать! Хуже уже точно не будет! Если меня не съест какое-нибудь чудище, живущее в этих стенах, то наверняка убьет сам Аид.

Глава 9

В этом месте совершенно нет солнца. Тот рассеянный свет, который падает с неба, превращает утро в розовые сумерки, но как такового рассвета не наступает. Ночное небо над замком меняет тысячу оттенков красного, закутывая меня в уныние, словно в шаль. Только над Елисейскими полями царит вечное утро. Яркие лучи солнца пронизывают сочную зелень, оседая где-то там, внизу. Так невероятно далеко и так близко.

Пока я набираюсь сил, мой план с побегом откладывается. Я бесконечно гляжу из окна, как зачарованный ребенок. Иногда ловлю себя на мысли, что не хочу никуда уходить. Что мое предназначение здесь – отдать свою жизнь Аиду и, превратившись в тень, парить над благословенными землями, чувствуя лишь покой и умиротворение. В такие моменты мне приходится одергивать себя и вспоминать, ради чего я должна вернуться на поверхность. Но бывало и такое, что Гекате приходилось оттаскивать меня от подоконника и приводить в чувство. Как бы маняще ни выглядели те земли, мне все же не следует так засматриваться на них. Моя человеческая психика не сможет выдержать всего этого и однажды сломается. Но почему Аид решил поселить меня именно здесь? Этот вопрос я задала Гекате, как только она появилась в следующий раз.

– А ты разве не заметила? – певуче произносит девушка и ухмыляется уголками губ.

– Не понимаю, о чем ты!

Мне надоело, что она отвечает вопросом на вопрос. К чему столько загадочности? У меня и без этого голова кругом идет.

– Вглядываясь туда, ты понемногу возвращаешь себе силы.

– Тогда почему я еще не здорова? К чему это все? Может, если я буду достаточно долго смотреть на этот рай, мне и умирать не придется? – резонно спрашиваю я.

– Если ты будешь долго черпать энергию Элизима, ты сойдешь с ума, дорогая моя. Твое человеческое тело и психика выдерживают лишь малую долю того, что может дать тот мир. Это разрушительная сила. И для живых она губительна не меньше, чем темная сила Аида.

– Понятно... – хмурюсь я, оттого что ничего не понятно. – Когда следующий визит? – меняю тему. Начинает болеть голова от нескончаемого потока рвущихся наружу вопросов.

– Завтра в полночь. Я приду раньше, чтобы подготовить тебя! – Геката собирается уходить, но я ее останавливаю.

– Мне можно отсюда выйти? Я устала сидеть в четырех стенах! – капризно надуваю губы. Мне не хочется никуда выходить, но, надеюсь, девушка не заподозрит, чем вызван мой интерес.

Она останавливается и улыбается. Сегодня меня посетила игривая Геката. Я успела заметить уже три разных состояния этой девушки, и они диаметрально отличаются между собой. То она хмурая и серьезная, не терпящая возражений. Иногда таинственная и огненная. Сегодня же она легкая и веселая – именно поэтому я выбрала этот день, чтобы расспросить ее о как можно большем. Только действуя таким образом, я получу шанс получить нужную информацию и при этом не быть разоблаченной.

– Ох, птичка моя... – Геката подходит к окну и проводит по подоконнику длинными пальцами. Каждое ее движение напоминает танец. – В этом замке живет множество разных... существ, с которыми тебе лучше не встречаться.

– Но почему? Если хозяин приказал меня не трогать, то какая может быть для меня опасность в этих стенах? – продолжаю стоять на своем, вперившись в нее взглядом. Мне нужны эти ответы.

– Не все такие послушные. Темные – народ свободолюбивый. А запреты иногда воспринимают как руководство к действию, не боясь даже за свою прогнившую шкурку. Так что если

ты сама не умеешь за себя постоять, то, боюсь, тебе не выжить. Некоторые существа понимают только язык силы.

– Расскажи о них! Кто здесь живет?

Я задаю вопросы, а сама сжимаюсь изнутри, страшась, что сейчас Геката поймет, к чему весь мой интерес, и закончит разговор. Или же еще хуже – запрет меня и доложит обо всем Аиду. Но она продолжает расхаживать по комнате и вальяжно, словно плывет по воздуху, взмахивать кистями рук. Ее движения изящны, а голос как музыка.

– Прямо под твоей башней, ниже на несколько десятков лестниц, мои покои. Ох, как там хорошо. Из моего окна не видно Элизиума. Тучи и мрак царят в моей обители. Тысячи свечей разгоняют его, но он клубится змеями вокруг огненных чаш и книжных полок. Если бы ты зашла ко мне, то немало бы удивилась изобилию интересных и столь непривычных вещей для человеческого глаза.

– Как-нибудь зайду! – обещаю я, точно зная, что никогда не появлюсь в ее покоях. – А кто еще живет здесь?

– Еще в западном крыле обитают Танатос и Гипнос. У них тоже довольно интересно, но не жди, что они позовут тебя к себе. Братья очень замкнуты.

– Кто они такие? – по правде говоря, мне было интересно, представляют ли они для меня какую-то опасность. Но Геката продолжила рассказ в своей манере:

– Их место обитания мало похоже на твое или мое. Там нет привычных нам вещей. Только яркий свет жизненных нитей, которые тянутся через весь зал, утопая во мраке углов. Именно они обрывают жизни, когда приходит час. Их обиталище покрыто пологом тишины и неприкосновенности. Не каждому удавалось и одним глазком увидеть, как вершатся судьбы. Даже я была у них всего раз, но запомню этот визит на всю жизнь. Ведь вмешавшись в этот процесс, можно нанести непоправимый вред мирозданию и повергнуть его в хаос, – благоговейно произносит девушка и театрально взмахивает рукой.

– Это так интересно, расскажи еще! – словно ребенок прошу я, отмечая про себя, что эти двое не станут мне помехой.

Геката улыбается:

– Прямо в середине нашего замка находится его сердце. Главный зал. Вершина правосудия. В нем Аид с верными мудрецами Радамантом, Миносом и Эаком вершат суд над пришедшими душами.

Значит, и это мне не опасно. Главное – проскользнуть мимо, не останавливаясь посмотреть.

– А те двое, которые меня притащили сюда? – осторожно копаю я дальше.

Нахлынувшие воспоминания о тех головорезах неприятно зацепили мое лицо, заставив скорчить гримасу некоего отвращения с недовольством. К счастью, Геката этого не заметила. Лицо ее утратило былую легкость, и она повернулась к окну, уставившись на розовые тучи.

– Босавин и Гадриель? Ох, они обитают в восточном крыле. Это приближенные слуги нашего хозяина. Они практически всегда подле него и выполняют самую грязную работу, – Геката немного скривилась, и я угадала в этом жесте пренебрежение. Похоже, не только мне не понравились эти парни.

– Кто они? – я смотрю тоже на небо, краем глаза подмечая эмоции собеседницы.

– Демоны, чтоб их гидра сожрала!

Настроение девушки начало портиться, потому я решаю не давить, чтобы не терять ее расположения, и задумчиво хмыкаю.

– Что-то я заболталась. Пора идти. Отдыхай! – Геката взмахивает цветастой юбкой и, не прощаясь, исчезает, оставляя меня в глубокой растерянности. Я уверена, в замке обитает намного больше темных и более опасных, чем она успела рассказать. Но также я поняла, что Геката о них не рассказала намеренно. Она что-то почувствовала; или же ее настолько раздра-

жают те двое, которые меня похитили? Что ж, меня тоже не обрадовало их появление в моей жизни. И кажется, мне придется бежать прямо сейчас, не зная всего, что может меня поджидать на темных лестницах подземного замка.

Как только сумерки спускаются на замок, а в комнате зажигаются свечи, я иду к шкафу и ищу свою одежду. Нужно сделать все быстро, ведь с минуты на минуту может прийти Геката. Одежды, в которой я попала сюда, нигде нет, но я смогла найти удобное платье. Оно облегачущее и длинное, но сделано из теплой тянущейся ткани. Как раз то, что нужно, чтобы было удобно бежать.

Надеваю его на голое тело, в очередной раз сетую на то, что мне не оставили даже белья. И правда, зачем, если ты всего лишь корм. Кукла, которую к тому же регулярно моют и причесывают. Вдохнув, я нахожу шпильки на туалетном столике и подкалываю длинные пряди, чтобы не мешались. Смотрю в зеркало. Зеленые глаза бьют переливами лихорадочного блеска. Ищу в них блики свечей, но понимаю, что их нет. Мои глаза изменились. Я вижу, что и сама изменилась, но не хочу этого признавать. Я вернусь домой, и все будет по-прежнему. Я обязательно все забуду, как страшный сон. Только бы вернуться.

Бросаю последний взгляд в зеркало и желаю себе удачи. Медленно выхожу из спальни и иду к лестнице. Коридор в моих покоях тих, и только свечи зажигаются вслед неслышным шагам босых стоп. Кладу ладонь на кованую ручку и молюсь, чтобы дверь в общий холл оказалась не заперта. Но та вспыхивает, миг вырываясь острыми лучами света сквозь мои пальцы. Я вскрикиваю, ожидая адской боли от ожога. Но ничего не чувствую. Смотрю на ладонь: розовая и гладкая. И тут же слышу скрип. Это дверь открылась в ожидании, когда я осмелюсь выйти. Аид не запер меня? Это значит, что он мне доверяет или же... ему все равно? Почему-то последняя мысль кольнула в сердце, но я постаралась выбросить ее из головы. Все, что мне нужно, – это выбраться из этого места. Я попала сюда через нижний зал. И, насколько понимаю, там должен быть выход. Но кто-то же его охраняет? Даже думать об этом было страшно, поэтому я решаю для начала добраться туда, а там пусть хоть сжигают.

Я выхожу на лестницу и смотрю вниз. Тьма скрывает несколько десятков пролетов, и кажется, что подо мной настоящая бездна. Ступив на верхнюю ступеньку босыми ногами, я ощущаю холод и желание бежать быстрее, но беру себя в руки. С каждым шагом все больше прислушиваюсь к окружающим меня звукам, но неестественная тишина пугает сильнее, чем рычание и лязг зубов, как из моего недавнего сна. Я словно снова попадаю туда, только уже по-настоящему. Меня обволакивает ощущение, что сон обрел очертания, и по мере моего погружения во тьму это ощущение только укрепляется. Свечи отбрасывают тени на темно-коричневые перила, но совершенно не дают света. Мне кажется там, внизу, меня ждет кто-то или что-то, что подарит мне откровение, которого я ждала всю жизнь. Страх не уходит, лишь уступает место странному притяжению. Я чувствую, как трясутся мои колени, спину покрывает холодный пот, словно я оказалась в ожившем кошмаре, но не могу остановиться. Я шаг за шагом спускаюсь прямо в ад.

Никого нет. Но я чувствую их. Невидимых наблюдателей, что смотрят за мной, как за крысой в клетке. Смотрят и злорадно ухмыляются, потирая руки. Им нравится наблюдать за попытками жертвы избежать расправы. Они знают, что выхода у меня нет, и просто наблюдают. Я же продолжаю путь, храня в груди лучик надежды.

Я не заметила момента, когда начала слышать шепот. Может, и с самого начала своего пути, но сейчас он отчетливо выделялся на фоне тихого потрескивания свеч и прочих едва различимых шорохов.

– Перси-и-и... – слышится шипение откуда-то издали.

Верчу головой, пытаюсь найти источник звука и понять, кто меня зовет. Но как только я пытаюсь на нем сфокусироваться, голос рассеивается, словно дымка. Может, всему виной мое воображение? Или кто-то ловко играет со мной?

Шепот повторяется, и я невольно ускоряю шаг. Я прошла уже десятки пролетов, но так и не встретила никого из обитателей замка. Кажется, они идут по пятам, но я их не вижу. Но как только я успеваю это отметить, до моих ушей доносится странный звук. Это звон? Или скрип? Ясно лишь одно: эти звуки заставляют каждый волосок на моем теле встать дыбом, потому как предмет или существо, издающего его, я даже не могу вообразить.

Я спускаюсь ниже и оказываюсь перед массивной дверью. Она огромна. Вершина железных створок утопает во мгле. Меня что-то манит зайти. Как будто за ней скрывается тайна, которую мне необходимо узнать. Без которой я не смогу жить дальше. Не в силах сопротивляться, я иду к ней. Тело слушается и повинуется странному зову, а сознание кричит, чтобы я убиралась. Но я проигрываю этот бой и кладу руку на массивную ручку.

Из-за двери раздается нечеловеческий крик, и меня отбрасывает к противоположной стене. Я готова завопить, как ребенок. Готова бить руками и ногами о пол, лишь бы остановить это. Я чувствую всю эту боль на себе. Меня как будто режут по живому. Вопль отчаяния не прекращается, проникая в каждую клеточку моего тела и разума. Я не в силах выносить муки, сквозящие через эту дверь. Они пропитывают меня отвратительным запахом. Окутывают душным облаком. Я даже ощущаю этот противный вкус на языке, но не могу понять, что это.

– Перси-и-и... – снова странное шипение. Этот голос возвращает меня к реальности, и тут до меня доходит: это просто чувства. Кто-то за дверью страдает, а в этом замке слишком обостряется восприятие. И то, что меня накрывает, – не что иное, как отголоски чьей-то агонии. За этой дверью находится главный зал. И сейчас там идет суд. Осознание этого – словно удар молота по голове. Попятившись к ступенькам, я не оборачиваясь бегу вниз. Мне хочется избавиться от липкого привкуса стыда, избавиться от забивающего ноздри сожаления. Мне не о чем жалеть, это не мой суд, мне нечего стыдиться. Голова проясняется, лишь когда я пробегаю несчетный лестничный пролет, но продолжаю бежать, не заботясь о шуме, который издаю. К черту все! К черту подземное царство и суд! Гекату и нимф! Энергию света и тьмы! К черту Элизиум! К черту Аида!

Я не замечаю, как начинаю плакать. Если бы не слезы, я бы увидела старика впереди, но было слишком поздно, когда я врезалась в его грудь. Мужчина для своего возраста оказался достаточно крепок. Он аккуратно ставит меня на ноги и, не отпуская, смотрит прямо в глаза. Я ожидаю, что старик схватит меня, затем как-нибудь сообщит Аиду о том, что я сбежала, но он лишь зачарованно взирает на меня, не выражая никаких эмоций.

– Славный цветок Аида... – его шепот еле слышим. – Зелень Елисейских полей в ее глазах.

Я не понимаю, с кем он говорит. Хоть его безумный взгляд не отрывается от меня, он как будто говорит в пустоту. Или сам с собой. И это пугает до мурашек.

– Можно мне уйти? – прошу я, едва шевеля губами, не надеясь, что он даст мне сделать это.

Глаза старика напоминают орлиные. Маленький зрачок зорко высматривает любое мое движение, и я бы увидела ярко-голубые радужки, если бы не та пелена, которая окутала их белым покрывалом. Старик молчит, затем улыбается. Но эта улыбка не добавляет доброты его лицу, лишь делает его еще более безумным.

– Цветок не может сбежать с земель, на которых вырос. Здесь его корни... – загадочно произносит незнакомец.

Я не успеваю спросить, что это значит, как остаюсь одна. Старик исчезает, будто его никогда и не было. А я оглядываюсь и вновь пускаюсь бежать. Мне некогда задумываться над его словами и странным исчезновением. Он отпустил меня, это главное. Вот я уже ощущаю, как ступени под моими ногами становятся шершавыми, а в воздухе появляется запах сырости. Чувствую, что я уже почти на месте. Неужели у меня все получилось? Но как только я об этом думаю, за спиной раздается шипение:

– Отдай мне его!

Старуха подкралась ко мне сзади. Ее седые редкие волосы спутанными прядями падают на лохмотья, в которые завернута незнакомка. Лица практически не видно. Скрюченные пальцы тянутся ко мне, а беззубый рот открывается в неистовом крике:

– Отдай мне его! – громче восклицает она, а я не могу сдвинуться с места. Все мое сознание вопит, что нужно уносить ноги, но они будто приросли к полу.

– Кого «его»? Что вам надо? – кричу я, безуспешно пытаюсь вырваться из невидимых пут.

– Твое дитя! – шипит змеей ведьма и подходит ближе.

– Нет у меня никакого дитя! Отпусти, старая карга! – кричу я не сдерживаясь. Здесь все сошли с ума! И я сойду, если немедленно не уберусь отсюда! Я не могу здесь находиться больше ни секунды!

– Ты отдашь мне его, правда? – жалобно спрашивает старуха, и я необдуманно киваю. Ее резкая смена настроения пугает еще больше. Она видит мое согласие, и безумный смех разливается по всему коридору, прыгивает по ступеням, словно мячик.

Волосы на голове становятся дыбом от этого звука, но у меня наконец-то получается вырваться. А может, старуха просто решила отпустить меня?

Я срываюсь с места и без оглядки бегу по пологому спуску. Но оступаюсь. Падаю и качусь вниз, слыша, как рвется мое платье, а тело пронизывает жуткая боль, словно в каждую клеточку впиваются мириады острых игл. Последним мои уши настигает хруст ломающихся костей.

Глава 10

Мое тело ноет от боли, но я заставляю себя подняться. Чувствую, что все вот-вот закончится. Силы на исходе, а каждый шаг отдает болью, но я продолжаю идти. Передо мной предстает еще одна дверь. Она поменьше, чем та, что встречалась ранее, но я понимаю, что достигла цели. Это вход в тот зал, через который я попала в замок. Именно через нее Ирида повела меня наверх, а значит, я практически выбралась. Осталась самая малость. Последний рывок.

Я делаю несколько несмелых шагов и приоткрываю створки. Петли еле слышно скрипят, но, кажется, звук разносится на несколько этажей выше. Оглядываюсь в страхе, что меня засекли, но нет, я по-прежнему в полном одиночестве. Чувство странного притяжения крепнет, практически оглушает. И я делаю шаг внутрь.

В помещении слишком темно. Плотная тягучая темнота, которую не в силах разогнать даже чаши с огнем, обволакивает меня. Она живая и как будто дышит. Пульсирует вокруг, вторя моему бешеному сердцебиению. Что это? Какой-то церемониальный зал, в котором любая сущность тонет во власти тьмы? Она здесь хозяйка, и ей хочется прощупать гостью на прочность.

Я слышу странное шипение, как если бы разворошила ногами клубок змей. Но упрямо иду туда, где виднеется выход. Это точно он, я чувствую! Серая дымка в форме овала тянется от пола до самого каменного потолка. Она мерцает неоднородным зеркалом, словно за ней водопад. Ускоряю шаг. Вот она, моя новая жизнь, я выбралась! Я смогла!

Но как только я прикасаюсь к выходу, который идет рябью под моими пальцами, чудовище сбивает меня с ног.

Лязг зубов, разрезающий воздух возле моего уха, словно сабля, дикий необузданный рык. И вот я лечу на пол. Надо мной нависает жуткая оскаленная морда. Я срываюсь на крик. Горло начинает саднить, но тварь крепче впивается в меня когтями, не позволяя подняться. Тяжелой лапой прижимает к полу. Под его весом становится почти невозможно вдохнуть. Дыхание зверя забивает мои ноздри зловонием. Я узнала его. Это тот самый трехглавый пес из моего сна. Сейчас его слюна начнет капать на мою кожу, прожигая ее словно кислотой. Но я ничего не чувствую. Только когти, как острые стальные прутья царапающие мое хрупкое тело. Платье порвалось, не сумев защитить меня от его смертоносного оружия.

– Не трогай меня! – слова вылетают вперемешку с воплями, но пес не реагирует. Я чувствую его звериную радость. Он загнал кролика, пытающегося убежать, и ликует. Смотрит на меня своими желтыми горящими глазами и растягивает момент победы.

– Оставь меня! Не трогай! Не трогай! – не унимаюсь я. Истерика накрывает с головой. Я кусаю животное за лапу. Оно рычит и готово сомкнуть свои челюсти на моей шее. Сорванные связки пропускают только хрип. Я зажмуриваюсь и жду смерти, но слышу голос:

– Это было смело, не так ли, Цербер?

Не открывая глаз, я узнаю бархатистый голос. По моему лицу катятся слезы. Соль опалает царапины на щеках, но я не могу остановиться. Слышу мягкое урчание и чувствую, как тяжесть с моего тела уходит. Чудище слезло, будто бы и не нападало вовсе, а лишь по-доброму игралось со мной. И я решила открыть глаза.

Аид стоит возле меня и гладит пса по вздыбленной шерсти. Мужчина одет в стильный деловой костюм. Белая рубашка оттеняет смуглый треугольник кожи возле шеи, а взгляд устремлен на меня. Я бы подумала, что передо мной бизнесмен, а не князь подземного царства, но корона на его голове сделана из костей, а это не оставляет места для сомнений. Его настроение трудно понять, а взгляд совершенно нечитаем. Не понимаю, злится он или взбешен до края.

Я всхлипываю и сворачиваюсь клубочком у его ног. Сил подняться нет, я полностью раздавлена. Выход был так близко, но только теперь я поняла, что это была иллюзия. Мне ни за что не дали бы уйти. Просто наблюдали, смогу ли дойти до конца, хватит ли смелости...

Закрываю лицо руками и рыдаю, сознавая, что на этом моя жизнь завершена. Прости, мама, я сдалась. Я никчемная, ни на что не способная дочь. Прости, Молли. Подруга из меня так себе. Ты нуждалась во мне, а я бросила тебя в самый страшный момент, когда была нужна тебе как никогда. Я всех предала.

Чувствую прикосновение, но никак не реагирую. Аид поднимает меня на руки и качает, как ребенка. Он гладит меня по волосам, скользит ладонями по обнаженному телу. Его дыхание опалает кожу и заставляет сжиматься все внутренности. Нежность в его движениях никак не сочетается с жесткостью его слов:

– Вы не убежите отсюда, Персефона. Я не отпущу вас! Я хотел посмотреть, хватит ли у вас смелости пройти весь этот путь. Вы были напуганы, но смогли.

– Зачем же ты оставил дверь не запертой? Чтобы наблюдать, как я буду бегать по замку в поисках выхода? Тебе доставляют удовольствие чужие муки?

Я пытаюсь отпихнуть его от себя, но мужчина лишь крепче прижимает меня к своему сильному телу.

– Нет, мисс Рейли, я узнал, что вы покинули комнату, когда вы уже подошли к главному залу. Я почувствовал ваш свет и решил проследить.

– Но дверь... – начинаю было я и замолкаю. Если он запер, то как у меня получилось?

– Вы не могли выйти! Я подумал, что вам кто-то помог сбежать. Только у Гекаты и Ириды была такая возможность... – задумчиво тянет Аид.

– Это не они! Я сама вышла! – быстро произношу я, не желая, чтобы кто-либо понес наказание за мой побег.

– Этого не может быть, мисс! – упрямо твердит Аид. Я не знаю, что ему ответить. Меня разрывают противоречивые чувства.

– Отпусти меня... – хнычу я.

Но Аид меня не слышит. Он гладит мои руки и шепчет:

– Вы восхищаете меня, мисс! В вас скрывается то, чего я раньше в людях не встречал, и теперь, увидев это, я просто не смогу вас отпустить. Вы моя!

– Я не вещь! – хриплю сорванным голосом, но больше не отстраняюсь. Я вскидываю голову и смотрю прямо ему в глаза. Он отвечает напряженным взглядом, а руки замирают на моих бедрах. Ох, сколько всего в этих глазах. И как я могла подумать, что они ничего не выражают? Сейчас в них плещутся восхищение и злость, изумление и страсть. Я вижу, как некогда колючая сталь превратилась в бушующий океан. Серый и пугающий, но безумно манящий. Мне хочется броситься в эти волны. И пусть они меня погубят, но я хочу раствориться в них.

Широкие брови сходятся на переносице, изучая меня. Его ладони скользят по моим ногам, вызывая толпу мурашек. Я даже не знаю, от страха или желания. Когда его пальцы достигают внутренней стороны бедер, ощущая отсутствие белья, мужчина рычит и останавливается. Он закрывает глаза и хрипло спрашивает:

– Почему вы так хотите вернуться? Вам здесь плохо? – я впервые услышала нотки замешательства в его голосе.

– Мама, она болеет. Только я могу ей помочь. Я должна вернуться, чтобы она могла жить.

Я вся дрожу, даже не пытаюсь скрыть этого. Выныривая из омута его глаз, я немного прихожу в себя и прячу лицо на его груди.

– А если я ей помогу? – Аид прочищает горло и продолжает, возвращая себе прежнюю уверенность в голосе: – Ваша мама останется жива.

– Как? – глупый вопрос слетает с моих губ прежде, чем я успеваю подумать.

Но Аид решает ответить:

– Мы можем не только отнимать, но и дарить жизненную энергию. Она будет жить, но вы больше никогда к ней не вернетесь. Не будете пытаться сбежать. Вы примете мой дар и ответите взаимностью. Вы согласны, мисс Рейли?

Я поднимаю глаза и не задумываясь киваю. Я знаю, что он не обманет. Вижу это по его глазам.

– Да! Если ты обещаешь, что ей больше не придется страдать!

– Я обещаю!

В руках мужчины появляется цепочка. На ней поблескивает рубиновый кристалл в форме капли.

– Что это? – я завороченно смотрю на безумной красоты украшение, даже не подозревая, что это мои будущие оковы.

– Это Зерно Граната. Возьмите его и наденьте, если принимаете мои условия. Вы действительно не должны расплачиваться за грехи своего отца, и я заключаю с вами договор. В обмен на вашу жизнь я подарю вашей матери возможность существовать еще очень долго – в рамках человеческого понимания этого слова.

– Хорошо! – киваю я, и Аид защелкивает замок цепочки на моей шее. Кулон вспыхивает и гаснет, а я обреченно понимаю, что добровольно подписала себе смертный приговор.

– А Молли? Что будет с ней? – сбивающимся голосом спрашиваю я.

Аид на миг закрывает глаза, будто бы думает. Его зрачки бегают под закрытыми веками, и я каким-то образом, совершенно непонятным для себя, понимаю, что он смотрит карту судьбы Молли. Точно так же, как он смотрел жизнь моего отца. Только тогда мужчина показал картинку и мне.

Аид открывает глаза и сощуривается:

– Ей я не могу помочь.

– Она жива? – уточняю я. Я была уверена, что она еще в Хэллоуин что-то с собой сделала.

– Пока да! Но ее душа полна тьмы. Тело ее сильное, а внутри все выжжено. Я не могу помочь в таких случаях. Это ее выбор.

– Пока жива... – тяну я оглушенно.

Слезы готовы вырваться наружу снова, но Аид отвлекает меня. Он ставит меня на ноги и окидывает изучающим взглядом.

– Я не могу понять, почему вы так о них печетесь? Это же просто люди! К тому же не самого лучшего порядка! Они мелочны, а поступки их вызывают отвращение. Почему вы готовы пожертвовать собой ради них?

– Потому что я их люблю... – шепчу я, опуская взгляд, но Аид мягко берет меня за подбородок и поднимает лицо.

– Мир не заслуживает вас, мисс Рейли. Теперь вы только моя!

Он накрывает мои губы поцелуем, и я чувствую ту самую алхимию. Нашу связь. Свет бьет из меня лучами, словно я солнце, но мне не становится плохо. Жизнь из меня вытекает капля за каплей, но я понимаю, что все правильно. Во мне нет пустоты. Тьма заполняет место моего света, и нет ничего более естественного, чем этот обмен. Мне не холодно, но меня бьет дрожь. Я снова вылетаю из реальности, окунаясь в чистое желание. Кажется, моя душа нашла свое предназначение. По крайней мере, сейчас я испытываю именно это.

В этот раз все по-другому. Аид прикасается к моей талии и скользит пальцами по бедрам. Нырять под разорванное платье и снова рычит. Слышу треск шелка. Остатки одежды падают к моим ногам. Но мне не холодно. Мое благоговение вызвано только его близостью.

– Моя... – шепчет Аид, прижимая голое тело к себе.

Я хочу почувствовать его кожу на своей. Она такая же гладкая, как его губы? Но тонкая ткань костюма мешает мне прикоснуться к нему. Словно свеча, я таю в его объятиях, а скользящие по моему животу пальцы рождают внутри неведанные до этого желания. Сердце отби-

вает рваный ритм, и я осознаю, что должна вот-вот потерять сознание, как в прошлый раз, но этого не происходит. Мне хочется большего, чем просто поцелуй. Я дрожу под его пальцами, но Аид медленно отстраняется.

– Персефона... – его сокрушительный шепот говорит о чем-то плохом. – Я увлекся, вы слишком... вкусная. Невероятно притягательная. Но я не понимаю, как так вышло, что вы все еще в сознании? – глаза мужчины расширяются от ужаса. С ним такое впервые, но я в слишком странном тягучем состоянии, чтобы понять это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.